

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Е.А. Вишленкова, Р.Х. Галиуллина

**ПРОФЕССОРА И БЮРОКРАТЫ:
ПАРАДОКСЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
АВТОНОМИИ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Препринт WP6/2011/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Москва
2011

УДК 378(09)
ББК 74.03
В55

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Вишленкова, Е. А. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX века : препринт WP6/2011/01 [Текст] / Е. А. Вишленкова, Р. Х. Галиуллина ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 72 с. — 150 экз.

В данной статье реконструирована история университетской автономии в России первой половины XIX века — времени становления отечественного университетского образования. Исследование основывается на опубликованных эго-документах и делопроизводственной документации, извлеченной из фонда министерства народного просвещения Российского государственного исторического архива, фонда Казанского университета Национального архива Республики Татарстан и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, фонда Московского университета Центрального исторического архива города Москвы. Собранный комплекс источников позволил выявить три сменявшие друг друга формы адаптации западной университетской идеи: 1) внешнее воспроизведение норм корпоративной самоорганизации в 1800—1810-е годы; 2) диктатура правительственных попечителей, добивавшихся соединения в университетах религиозного воспитания с научным образованием (середина 1810—1820-х годов); 3) создание модели «русского университета» как государственного учреждения с отчужденным от академической жизни бюрократическим аппаратом управления (1830—1850-е годы).

УДК 378(09)
ББК 74.03

Вишленкова Елена Анатольевна — ИГИТИ Государственного университета — Высшей школы экономики

Галиуллина Руфия Хазибовна — Казанский юридический институт МВД России

Исследование выполнено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве (Gerda Henkel Stiftung, проект AZ 02/SR/08 HC).

Препринты Государственного университета — Высшей школы экономики размещаются по адресу: <http://new.hse.ru/org/hse/wp>

© Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., 2011
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2011

Ключевое для средневековых и нововременных университетов Западной Европы понятие «автономия» не было семантически фиксированной единицей. Его значение варьировалась во времени, и особенно сильно оно изменялось в пространстве, например, в ходе трансфера в иные культурные среды. Адаптация сопровождалась появлением локальных версий университетской независимости, напрямую связанных с местной политической культурой.

И если в Гёттингене автономия значила корпоративное самоуправление, а в Берлине подразумевала академическую свободу научного поиска и учебного слова, то в России создание системы университетов (пять университетов и Главный педагогический институт во главе шести учебных округов) сделало актуальным другую форму автономии рекрутированных в них интеллектуалов — независимость от местной культурной среды. Специфичность российской ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, восприятие университетской идеи из рук немецких просветителей сопровождалось использованием свойственной им риторики. Соответственно, и державные просветители, и российские профессора говорили об университетской демократии и ссылались на автономный статус университета. Но, с другой стороны, отсутствие в Российской империи общественной потребности в высшем образовании делало верховную власть единственным гарантом существования университета. Поэтому как приехавшие из других стран, так и местные профессора отчетливо понимали, что без финансовых, административных и идеологических инвестиций правительства университет в России существовать не может.

В условиях полной зависимости от намерений, усилий, возможностей и интересов политической власти университетские корпорации выражали ей свою преданность и благодарность, смирялись с государственным контролем над учебным процессом, доказывали чиновникам государственную пользу собственных научных занятий, мечтали о поощрениях и получении правительственных заказов на исследования.

Противопоставление себя местной среде воплощалось в специфические стратегии корпоративного поведения, направленные на создание самодостаточных университетских городков в университетских городах Российской империи и на использование в языке университетских самоописаний колониальных метафор «острова

в океане невежества», «светоча в темном царстве», «храма в мире хуторов и слобод» и т.п.¹ В корпоративных конфликтах и в столкновениях с аборигенами университетские люди апеллировали к верховной власти как к покровителю и третейскому судье.

Первые проявления недовольства государственным контролем и попытки отстаивания идейной и институциональной независимости относятся к 1860-м годам, то есть ко времени, когда отечественные университеты обрели высокий социальный статус, установили многоканальные связи с российским обществом, когда выросла потребность россиян в университетском образовании, и когда проявился кризис, вызванный бюрократизацией университетов 1840–1850-х годов.

Целью данного исследования является контекстуализация процесса трансформации (деривации, мутации и редитрибуции по М. Фуко) ключевого понятия для классического университетского дискурса в российских условиях первой половины XIX века. Эти условия реконструированы для трех императорских университетов (столичного Московского и двух провинциальных — Казанского и Харьковского). Реконструкция проводилась на основе университетских архивов, хранящихся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского государственного университета (далее ОРК НБ КГУ) и Национального архива Республики Татарстан (далее НАРТ) (Казань), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ) и Центрального исторического архива города Москвы (далее ЦИАМ), а также обширного архива министерства народного просвещения (далее РГИА) (Петербург). Выявленный комплекс источников позволяет увидеть механизмы формирования и характер административной² и политической³ культуры российской профессуры в исследуемый период.

---

¹ О метафорах «остров», «корабль», «океан», «море» в колониальных текстах см.: Pels P. The Anthropology of Colonialism: Culture, History, and the Emergence of Western Governmentality // *Annual Review of Anthropology*. 1997. № 26. P. 174.

² Административная культура рассматривается здесь как комплекс знаний, умений, навыков и отношений, которые реализуются в практике университетского самоуправления.

³ В данном исследовании берется такой аспект политической культуры, как способы реакции университетских людей на политическую власть и характер их участия в ее действиях, соотнесение университетской культуры с типологией, предложенной Г. Алмондом и С. Верба (приходская и зависимая политические культуры и культура участия).

Российское почитание университетской автономии

В мировоззренческой системе людей эпохи Просвещения быть цивилизованной, европейской страной значило входить в пространство письменной культуры, циркуляции западного типа знания и образования. Претендуя на участие в семье «политичных народов», вестернизирующаяся Российская империя почувствовала нужду в социальном слое интеллектуалов («новой породе людей»), в научных описаниях природных и человеческих ресурсов страны, в распространении грамотности и западных знаний среди населения. Таким образом, учреждение университетов было следствием процесса европеизации государства.

На большое значение, которое придавал Александр I появлению в стране университетов, указывает тот факт, что к разработке правовых оснований для них он привлёк почти всех известных нам просвещённых политических деятелей и академических администраторов того времени. Часть из них впоследствии стали исполнителями реформы. Так, когда в марте 1802 года начал работу «Комитет по рассмотрению новых уставов учебных заведений» (его назначение состояло в изучении западного опыта университетского обучения, а также опыта российской Академии наук и Московского университета⁴), то в нём приняли участие будущие попечители учебных округов М.Н. Муравьев, граф С.О. Потоцкий, генерал-лейтенант Ф.И. Клиндер, а также В.Н. Каразин, профессор Ф.Г. Баузе и академик Н.И. Фус, которые в свое время обращались к Екатерине II с предложениями по изменению Регламента Московского университета.

Благодаря недавно вышедшим фундаментальным работам Ф.А. Петрова и А.Ю. Андреева, вопрос об обстоятельствах разработки университетского устава и идейных источниках для него сегодня является хорошо проработанным⁵. После этого становится важным уяснить другое — как этот проект интерпретировался и воплощался в

---

⁴ Итоговый отчет Комиссии опубликован см. в: Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 257–269.

⁵ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 372–397; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Российские университеты и Устав 1804 года / предисл. В.А. Садовниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. Т. 1.

практику университетской жизни, то есть как им пользовались государственные чиновники и как преподаватели.

О том, что в верхах готовится новое положение об университете, московские профессора узнали почти сразу. В начале октября 1802 года к куратору М.М. Хераскову обратился министр народного просвещения, который запросил «подробное описание настоящего положения онаго [университета] с показанием преподаваемых в нем Наук, Профессоров, числа Студентов по факультетам, успехов их, образа учения, словом: всего к надлежащему о сем заведении сведению нужного по порядку приложенных при сем статей»⁶. Для успокоения Завадовский обещал: «Я с своей стороны поставляю себе за долг содействовать пользе и благосостоянию Университета порученным мне от всемилостивейшего государя нашего Ходатайством у Престола <...>»⁷. Полученные сведения впоследствии были использованы для разработки бюджета и структуры Казанского и Харьковского университетов. Узнав благодаря этой инициативе министерства о грядущих реформах, престарелый куратор Московского университета подал в отставку⁸.

А тем временем в Петербурге было создано министерство народного просвещения⁹ (в 1802 году его возглавил гр. П.И. Завадовский) и Комиссия об училищах (в нее вошли Завадовский, М.Н. Муравьев, С.О. Поттокий, Н.И. Фус, А.А. Чарторыйский, Н.Я. Озерецковский, Ф.И. Клингер и Хитров). Вскоре комиссия была переименована в «Главное правление училищ» и стала структурной частью министерства¹⁰.

По замыслу реформаторов, взаимоотношения университетских профессоров и государственных чиновников должны были регулировать созданные ими «Предварительные правила народного просвещения» (24 января 1803 года)¹¹, указ «Об учреждении учебных окру-

---

⁶ РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 1 «Переписка с попечителем Московского университета о доставлении сведений о состоянии университета и других учебных заведений». 1802–1803. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же.

⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXVII. № 20406.

¹⁰ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № 2. С. 156.

¹¹ Об устройстве училищ. 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 6. Стлб. 13–21.

гов» (24 января 1803 года)¹², Утвердительные Грамоты Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1803 г.)¹³, уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов (5 ноября 1804 года)¹⁴ и уставы учебных заведений, подведомственных университетам (5 ноября 1804 года)¹⁵.

Интегрируя вновь созданное ученое сословие в имеющуюся социальную структуру империи, они включили ученые степени в Табель о рангах для чиновников, а сами университеты встроили в иерархию государственных учебных заведений. Каждый университет был наделен распорядительной и контролирующей властью над гимназиями, уездными и приходскими училищами вверенного ему округа и был ответственен за них. Институт кураторов был заменен институтом попечителей, назначаемых государственной властью¹⁶. Таким образом, с момента основания российские университеты обрели государственный характер, но имели формальные признаки корпорации — выборность университетских должностей, управление профессорским советом, корпоративная оценка профессионализма и решение о присуждении ученой степени. Данная форма существования университетов соответствовала современным западным тенденциям в образовательной политике¹⁷.

---

¹² Об учреждении учебных округов. 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 6. Стлб. 21—22.

¹³ Утвердительные Грамоты Императорских Московскаго, Харьковского и Казанскаго Университетов. 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 45. Стлб. 254—261.

¹⁴ Уставы Императорских Московскаго, Харьковского и Казанскаго Университетов. 5 ноября 1804 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 46. Стлб. 264—301.

¹⁵ Устав учебных заведений, подведомственных университетам (5 ноября 1804 года) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 46. Стлб. 301—339.

¹⁶ В историографии высказывалось мнение, что попечитель был посредником между ректором университета и министерством народного просвещения (см.: Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. М., 2002. Т. 1. С. 221). Оно не подтверждается архивными свидетельствами. В первые десятилетия XIX века попечитель входил в сношения с университетским Советом через ректора и выступал радетелем в министерстве о нуждах университета. Ректор же был подчиненным и исполнительным лицом.

¹⁷ A History of the University of Europe. Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800—1945). Cambridge, 2004.

Большинство положений, изложенных в законодательных документах 1802—1804 годов, имели декларативный характер. Они демонстрировали современникам заинтересованность верховной власти в западной учености и требовали от подданных поддержки и участия в судьбах императорских университетов. При этом социальная миссия университета виделась реформаторам довольно туманно и описывалась как «нравственное образование граждан соответственно обязанностям и пользе каждого состояния».

А между тем, отношение к университетам местного дворянства и чиновничества и даже сама их способность к развитию в первые десятилетия XIX века определялись не призывами правительства, а влиятельностью курировавшего их государственного сановника. В XVIII веке Московский университет имел в лице первого куратора сильного покровителя. По реформе 1802—1804 годов правовой статус столичного попечителя оказался ниже, чем у прежних кураторов. Он был членом Главного правления училищ — структурной части министерства, а не членом Правительствующего Сената. Реформаторы требовали от него единоличной ответственности перед министром за вверенный учебный округ. Он должен был «пещись об устройении университета и других училищ, если где оных еще нет; о приведении их, на основании сих правил, в цветущее состояние»¹⁸. Осуществить это на практике оказалось делом сложным и не благодарным¹⁹.

24 января 1803 года попечителями были назначены: товарищ министра народного просвещения Н.М. Муравьев (ему вверялся Московский университет и округ), товарищ министра иностранных дел князь Адам Чарторыйский (Виленский университет и округ), генерал-майор Ф.И. Клиндер (Дерптский университет и округ), тайный советник граф С.О. Потоцкий (Харьковский университет и округ), тайный советник граф А.А. Мантейфель (Казанский университет и округ), действительный камергер Н.Н. Новосильцев (Главный педагогический институт и Петербургский округ). Мантейфель, однако, приложил все усилия, чтобы избежать этого назначения и по-

---

¹⁸ Об устройстве училищ (24 января 1803) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра I. 1802—1825. СПб., 1864. Т. 1. № 6. Стлб. 15—16.

¹⁹ Об учреждении учебных округов. 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 7. Стлб. 21—22.

лучить другое²⁰. После него попечителем Казанского округа был назначен академик, астроном С.Я. Румовский. В Казань его определили как человека, уже бывшего там проездом во время научной экспедиции²¹.

Поскольку Румовский не принимал участие в подготовке реформы, министр рекомендовал ему тщательно изучить правительственные постановления по этому вопросу. В письме к директору местной гимназии Яковкину казанский попечитель рассказывал об этом так: «<...> перебирая листы попал на § 59. Где сказано, Главное Училищ Правление есть верховное Правительственное место по всем Училищным распоряжениям; Председатель онаго министр и пр: Статья сия ему не понравилась. Во первых как мне казалось потому, что он нигде в Указах председателем не именован. Это моя догадка. Что касается до числа посторонних и Академиков, то сказано неосновательно. Число знатных особ Императором назначаемых не постоянно и неопределенно: ныне их четыре. Потом нигде не сказано, что в Правлении должны быть два академика. При первом Учреждении сие сделалось по притчинам побочным, и ежели бы настоящие Академики выбыли, то я ненадеюсь, чтоб места их заняты были Академиками. Надлежало было сказать просто: а члены все Попечители Университетов и несколько особ науки любящих и Императором назначаемых. После сего спрашивал меня граф, читал ли я сие сочинение; на сие ответствовал я, что не читал, и что я худой судья в сем случае: невзирая на сие возвращая мне обратно сочинение, сказал; чтоб я оно просмотрел»²².

Серьезность намерения верховной власти довести дело основания университетов до реализации подтверждает объем выделенного на это финансирования. Несмотря на государственный дефицит, ежегодно на счета Московского, Дерптского, Казанского и Харьковско-го университетов предполагалось перечислять по 130 000 рублей. По-

---

²⁰ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. С. 10.

²¹ См. о нем: Боголюбов А.Н. Математики. Механики. Биографический справочник. Киев, Наукова думка, 1983; Карлов Н.В. Две академии: люди и свершения // Вестник РАН. 2002 Т. 72. № 7. С. 646–653; Павлова Г.Ф. Степан Яковлевич Румовский, 1734–1812. М.: Наука, 1979; Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1, 1724–1917. М.: Наука, 1999.

²² НАРТ, ф. 977, оп. Ректор, д. 2. «Письма С.Я. Румовского к И.Ф. Яковкину». № 16–47, черновики (1808). Л. 3об.– 4.

мимо этого Харьковский университет получил в распоряжение суммы, собранные слободско-украинским дворянством. В результате таких дотаций профессора стали одними из самых высокооплачиваемых чиновников в империи²³. Естественно, что, беря университет на содержание, верховная власть получила монопольное право на его комплектацию кадрами, на выработку критериев отбора кандидатов.

Видимо, в начале царствования Александру I хотелось хотя бы декларативно продемонстрировать естественность рождения университетов в России, а через это — естественность распространения западного просвещения на восток империи и готовность России к восприятию очередного феномена западной культуры. В манифестах и распоряжениях монарх намеренно отводил себе скромную роль заботливого рассадника. Органичность российских университетов демонстрировали современникам и торжества их открытия. По сей день каждая из отечественных высших школ отсчитывает своё рождение от даты официального оглашения губернатором или назначенным для того иным чиновником её устава или утвердительной грамоты.

В Московском университете об официальном подписании устава 1804 года профессора узнали на Ученом Совете. Затем этот факт был оглашен на специальном собрании, в присутствии всей корпорации. Ей были предоставлены «новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени»²⁴. В Казани воля императора была доложена учителям Первой гимназии²⁵. То, что данная школа была второй после Московского университета, было подано как причина учреждения здесь университета²⁶. В Харькове прави-

---

²³ В предварительной смете расходов на университет первой строкой были прописаны расходы на жалование профессорам и преподавательскому составу. Каждому из 28 профессоров полагалось жалование в 2000 рублей ежегодно; каждому из 12 адъюнктов — 800 рублей; каждому учителю языков — 600; каждому из 12 магистров — 400. Была предусмотрена плата за исполнение должности ректора — 600 рублей; декана (а их было 5) — 300; каждому директору клинического института — 500 рублей; цензору книгопечатания — 450; инспектору казенных студентов и библиотекарю — по 400 рублей. См.: О примерном исчислении сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России (17 марта 1803 года) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 45. Стлб. 30–36.

²⁴ Там же. Стлб. 254.

²⁵ ПСЗ РИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 15. С. 242.

²⁶ Там же. Стлб. 260–261.

тельственный акт был зачитан перед дворянским собранием. Внимание публики было обращено на факт «поревнования Слободсакого-Украинского Дворянства, в пользу одного от собственных своих стяжаний», в результате чего император Александр I «в уважение патриотического приношения Слободско-Украинского дворянства повелел учредить в Харькове университет <...>»²⁷.

Весь 1805-й год для членов Главного правления училищ прошел в хлопотах о начале действия объявленных университетов. Примечательно, что это подразумевало обязательное проведение инаугурации. «Всякий университет может считаться действующим, — уверял еще М.В. Ломоносов, — с момента инаугурации»²⁸. Торжества — определенная знаковая система. Регулярное актовое собрание университета способствовало сплочению членов его корпорации, выстраива-

---

²⁷ Мысль об открытии университета на Украине была не нова. В 1760-х годах дворяне Сумской провинции ходатайствовали об основании университета в Сумах. За ней последовали попытки создать его в Екатеринославе (1784), в Чернигове (1786). В начале XIX века у Харькова стать колыбелью для университета было меньше шансов, чем у других малороссийских городов. По численности населения (а здесь проживало 5 378 человек) он значительно уступал Киеву (30 000), Таганрогу и Одессе (по 9 000), Ахтырке (6 309), Екатеринославу (6 000). В 1802 году на основании «Жалованной грамоты дворянству» и по предложению министра внутренних дел В.П. Кочубея харьковское дворянство стало обсуждать так называемую проблему «общественных нужд». Уже 29 августа на дворянском собрании Каразин выступил с «Предначением о Харьковском университете». (См.: Предначение о Харьковском университете, представленное в Харькове полному Дворянскому Собранию 29 августа 1802 года и послужившее основанием приговору одного Собрания 1 сентября // Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, Тип-фия М. Зильберг, 1910. С. 523–534). 1 сентября 1802 года Каразин выступил со знаменитой речью, в которой признавался: «Я смел <...> мечтать что необыкновенное стечение народа украсит и распространит сей город и зависящие от него; наполнит их всеми утехами, свойственными просвещенному обществу; что богатства всех стран России станут литься к нам рекою, что изобилие и радость будут иметь у нас верное прибежище; что мы прославимся в единоземцах, друзьях, чадах наших; что мы покажем собою пример, который воспламенит к подражанию прочие благородные общества» (См.: Предначение о Харьковском университете, представленное в Харькове полному Дворянскому Собранию 29 августа 1802 года и послужившее основанием приговору одного Собрания 1 сентября // Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков, Тип-фия М. Зильберг, 1910. С. 523–534; Иляшевич Л.В. Краткий очерк истории харьковского дворянства. Харьков: Тип-фия М. Зильберберга, 1885. С. 71).

²⁸ Цит. по: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 227.

ло иерархические связи внутри неё, а публичный характер проведения данных действий встраивал скроенный по западной кальке университет в систему местных социальных отношений и культурных связей. С другой стороны, присутствие на ней попечителя и зачитывание правительственных бумаг напоминало участникам о принадлежности университета короне.

Поскольку в Европе инаугурация давала признание новых университетских корпораций от лица уже существующих, российские реформаторы сочли необходимым проводить их повсеместно и даже там, где корпораций еще и не было — в Харькове и Казани. В Харькове дата торжественного собрания — 17 января 1805 года, была приурочена попечителем С.О. Потоцким к местным выборам в дворянское собрание и согласована с губернатором Бахтиным²⁹. Спустя месяц — 15 февраля 1805 года, актовый зал Казанской Императорской гимназии тоже стал свидетелем рождения университета. Там в присутствии убежденного сединами попечителя С.Я. Румовского и немногочисленной публики был зачитан университетский устав и вручены шпаги гимназистам, назначенным в студенты³⁰.

В Москве было решено проводить не инаугурацию, а празднование 50-летия существования. По замыслу министра и попечителя Муравьева торжества были намечены на 30 июня 1805 года. Их сценарий был более масштабным: торжественный акт, начатый в 8 часов утра; божественная литургия в университетской церкви; праздничный концерт; выступления представителей факультетов; возведение в ученые степени и достоинства членов корпорации и, наконец, вычурная иллюминация в 22 часа. Всё это должно было не только уверить участников в готовности России распространять на-

---

²⁹ Открытие Харьковского университета проходило в особо торжественной форме: приехавший попечитель Потоцкий выступил с торжественной речью на языке науки — латыни: «*De nova per imperium Rossicum constitutione scholarum indeque oriundo fructo*». См.: Pototsky C.S. *De nova per imperium Rossicum constitutione scholarum indeque oriundo fructu*. (Потоцкий С. О благодетельной цели преобразования в России училищ // Речи, говоренные в торжественном собрании 17 января 1805 года при открытии Харьковского университета. — Харьков, 1806. С. 10–16; Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). С приложением портретов и материалов. Т. 1 (1802–1815 гг.). Харьков, 1893–1898. С. 151–158.

³⁰ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. СПб., 1904. Ч. 1.

уки, но и в наличии довольно длительной собственной университетской традиции³¹.

Действия правительства тех лет свидетельствуют о его ориентации на внешние репрезентации, на продолжающееся стремление отстоять для России почетное место на ступеньке цивилизованных стран. Вряд ли тогда государственную власть всерьез волновала проблема выстраивания отношений с отечественными университетскими интеллектуалами.

По созданной системе управления округами, попечители обязаны были проживать в официальной столице империи, ходатайствуя о нуждах вверенного им университета и округа перед правительством. Его присутствие на месте воплощали иные лица. Их выбор был невелик — ректор или директор гимназии. От них попечитель получал информацию о делах и состоянии университетской корпорации и им же поручал выполнение правительственных и собственных решений. При таком положении вещей избранные коллегами ректора оказывались в сложной ситуации. Они были обязаны оправдать доверие и выбор своих коллег, но вынуждены были представлять в профессорском совете интересы внешние — политической власти. Это порождало смешанную идентичность.

То, что первые попечители университетов были разработчиками реформы и людьми, изучавшими отечественный и западный академический опыт, сказалось на специфике их отношений с профессорскими корпорациями. Приглашая и отбирая для службы в подчиненном ему университете профессоров и адъюнктов, попечитель формировал «свою команду». Какой она будет, зависело от его взглядов на образование и назначение университета.

В первые годы существования отечественных университетов почти все попечители (кроме Румовского) играли по отношению к ним роль сановных покровителей, меценатов. Московскому университету патронировал М.Н. Муравьев (1757–1807) — потомок известного дворянского рода, человек с университетским образованием, писатель и поэт, воспитатель цесаревичей Александра и Константина, личный друг куратора И.П. Тургенева³². Деятельность Харьковского

---

³¹ Шевырев С. История императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 359–361.

³² О нем см.: Некролог (Кошанский) // Вестник Европы. 1807. № 19; Жинкин И.М., Муравьев М.Н. // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18; Кулакова Л.И., Новиков И.Н.

университета налаживал С.О. Потоцкий (1762–1829) — польский дворянин, получивший блестящее образование в Женеве и Лозанне, бывший депутат польского сейма, российский сенатор, известный своей приверженностью конституционным идеям, личный друг А. Чарторижского³³. А вот С.Я. Румовский (1734–1812) был из другой породы — сын священника, окончивший Александро-Невскую семинарию, выпускник Академического университета, ученик немецкого математика Л. Эйлера, вице-президент Петербургской Академии наук. Среди современников он почитался за авторитетного ученого, но формалиста. К моменту назначения на эту должность он имел богатый административный опыт в Академии наук и был довольно пожилым человеком (67 лет).

И Северин Потоцкий, имевший большую семью, и убежденный сединомы Степан Румовский тяготились удаленностью своих университетов: даже санный путь из Петербурга в Казань или Харьков составлял не менее двух недель. В другие сезоны наведываться туда было и трудно, и не безопасно. Впрочем, обоим утешало то, что статус попечителя требовал от них постоянного присутствия в Петербурге. Этим оба объясняли своё отсутствие во вверенных университетах.

Для «близкого» руководства округом Потоцкий рекомендовал известного императору, но впавшего в немилость харьковского помещика В.Н. Каразина. Ему местное дворянство было обязано откры-

---

в письмах М.Н. Муравьева // XVIII век. Вып. 11. Л., 1976; Петухов Е. Михаил Никитич Муравьев: очерк его жизни и деятельности // Журнал министерства народного просвещения. 1894. Кн. 8; Шевырев С. История Московского императорского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755–1855. М.: Унив. Тип-фия, 1855.

³³ См. его и о нем: Потоцкий С.О. Мнение об учреждении университета в С.-Петербурге // Чтения общества истории и древностей Российских. 1860. Кн. 4; Смесь. С. 308–313; Pototsky C.S. *De nova per imperium Rossicum constitutione scholaram indeque oriundo fructu*. (Потоцкий С. О благодетельной цели преобразования в России училищ // Речи, говоренные в торжественном собрании 17 января 1805 года при открытии Харьковского университета. Харьков, 1806. С. 10–16; Багалеи Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). С приложением портретов и материалов. Т. 1. (1802–1815). Харьков, 1893–1898; Воспоминания Ф. Булгарина. СПб., 1846. Т. I; Лавровский Н., Из первоначальной истории Харьковского Университета // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1869. № 9; Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. I; Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 2; Tourgueneff, N. *La Russie et les Russes*. Paris, 1859–1861; Воспоминания Ф. Булгарина. СПб., 1846. Т. I.

тием университета на Слобожанщине, а не в Киеве³⁴. И хотя Каразин критиковал западные университеты за их корпоративность и автономию, в действительности он способствовал объединению приехавших в Харьков профессоров³⁵. Другое дело, что его критичность и инициативность не нравились в Петербурге. Поэтому для равновесия и «в помощь» ему «в качестве визитатора перед училищной частью» был назначен выпускник Московского университета профессор И.Ф. Тимковский³⁶.

Иных по типу администраторов получил Казанский университет. Из переписки Румовского с директором Первой гимназии И.Ф. Яковкиным явствует, что попечитель не спешил склонять общественные настроения в пользу местного университета. Он предпочитал использовать для его открытия ресурсы гимназии, «<...> доколе не сыщется нужное число людей, достойных звания профессорского и довольное к открытию по надлежащему университету»³⁷. По мнению исто-

---

³⁴ В.Н. Каразин своих крепостных отпустил на волю, а сам женился на вольноотпущенной крестьянке. См. об этом: Абрамов В.Я. Василий Назарович Каразин: (Основатель Харьковского университета). Его жизнь и общественная деятельность: биографический очерк. СПб.: Обществ. Польза, 1891 (Жизнь замечательных людей, Биогр. Библиотека Ф. Павленкова); Багалей Д.И. Заметки и материалы по истории Харьковского университета: новые данные для биографии В.Н. Каразина // Записки Харьковского университета. 1906. Кн. 1, Летопись. С. 81–164; Багалей Д.И. Научная критика, памфлет или пасквиль? (По поводу брошюры г. И-ва «В.Н. Каразин, мнимый основатель Харьковского университета. Х.: Тип-фия газеты «Южный край», 1906. 36 с.; Слюсарский А.Г. Василий Назарович Каразин / под ред. Д.Ф. Остриянина. Харьков: Харьковское книжно-газетное изд-во, 1952; Львов В.Е. Жизнь Каразина: историческая повесть // Нева. 1978. № 3. С. 3–57; № 4. С. 33–110.

³⁵ «Предначертаание о Харьковском университете» вместе с пояснительной запиской, предназначенной для членов Комиссии об училищах // Каразин Ф.В. Василий Назарович Каразин — основатель Харьковского университета // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 71–76.

³⁶ Обширные цитаты писем С.О. Потоцкого к министру народного просвещения П.Д. Завадовскому (31 декабря 1802) и харьковскому губернатору А.К. Артакову (17 февраля 1803) воспроизвел в своем исследовании Багалей. См.: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1. С. 98–99.

³⁷ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902–1904. Т. 1. С. 31–32. Инаугурация состоялась лишь в 1814 году, уже после смерти Румовского и по инициативе М.А. Салтыкова. Программа торжеств не была широкой: присутствие официальных гостей — первых лиц губернии, иллюминация, официальная публикация акта о торжественном открытии Казанского университета, программы занятий на 1814/15 учебный год на русском и татарском языке, списка студентов и лекторов и издание на латинском

рика Казанского университета Н.П. Загоскина, Румовский модифицировал гимназический строй в том смысле, что «совет гимназии составлять будут профессора и адъюнкты, а контору — директор гимназии, казначей и один член, советом из своего сословия избранный и мною утвержденный, под председательством директора гимназии»³⁸. Таким образом, местный университет стал высшей ступенью гимназии, а её администрация (директор, совет гимназии и контора) управляла профессорами³⁹. Университетского правления в Казани создано не было.

Ставший в 1810 году министром, граф А.К. Разумовский был удивлен, как сильно устройство Казанского университета противоречит уставу. Он объявил попечителю, что созданное «управление университетом не мало не способствует к возведению в цветущее состояние, а напротив, подвергает оный расстройству, что приписывают именно директору гимназии Яковкину — почетные попечители, обозревавшие отзываются с невыгодной стороны о сем чиновнике»⁴⁰. Но и теперь Румовский отстаивал целесообразность симбиотического сосуществования гимназии и университета и уверял, что «Казанский университет не может еще почитаться совершенно открытым по причине неполного числа ординарных профессоров»⁴¹. По всей видимости, исследовательница Московского университета И.П. Кулакова права: Румовский последовательно воспроизводил в Казани административно-бюрократическую систему управления Академии наук⁴².

языке диссертации профессора Х.Д. Френа. См.: РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 92 «Программы и расписания занятий в Казанском университете». 1810—1816. Л. 17.

³⁸ Загоскин Н.П. История. Т. 1. С. 33.

³⁹ Такая модификация не являлась юридическим фактом основания Казанского университета, — к такому заключению приходит правовед Загоскин. Он назвал этот феномен «неправомерным», «румовско-яковкинской комбинацией», поставивший строй Казанского университета в резкое и непримиримое противоречие с только что высочайше утвержденным для него уставом», что «было делом факта личного усмотрения», см.: Загоскин Н.П. История. Т. 1. С. 33, 40—41.

⁴⁰ Из письма А.К. Разумовского попечителю С.Я. Румовскому от 17.08.1810. См.: НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 340 «О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров». 1810. Л. 2.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Кулакова И.П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII—XX вв.: сборник науч. ст. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 32—34.

Удаленная от столицы, ограниченная в своих контактах с коллегами университетская корпорация Казани оказалась заложницей всевластия местного деспота. К тому же, несмотря на опыт преподавания, у прибывших в Казань интеллектуалов не было единого мнения о назначении, функциях и оптимальной структуре университета. Их опыт был слишком разным: кто-то ранее служил в военной Медико-хирургической академии Петербурга, кто-то в иезуитском коллегииуме, а часть в разных по типу и уровню преподавания университетах Европы. Это, а также отсутствие детально проработанных законодательных норм, породили между ними споры о полномочиях профессоров и их взаимоотношениях с разными уровнями административной власти, разбили корпорацию на мелкие конфликтующие группы⁴³.

При отсутствии сопротивления со стороны профессорского совета, Яковкин бесконтрольно распоряжался средствами, выделенными казной на становление университета и содержание ученого сословия⁴⁴. Интригуя и разжигая страсти среди перессорившихся коллег, он умело выпалывал ростки университетской демократии⁴⁵. Недовольство Яковкиным среди казанских интеллектуалов было настолько сильным, что они писали в Петербург, и сведения об этом доходили даже до министра⁴⁶. Но побеждал во всех конфликтах директор. В результате, к середине 1810-х годов в Казани осуществи-

---

⁴³ РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 95 «Дела об избрании ректора и деканов Казанского университета». 1810–1814; Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. С. 82–85.

⁴⁴ Интересен «баланс сумм», оприходованных Казанским университетом в 1810 году. Это — документ, сделанный в виде таблицы, где приход и расход денег строго соответствует смете министерства. Документ подписан всеми членами университетского Правления, но к нему не приложены приходно-расходные документы, финансовые расписки (См.: НАРТ, Правление, д. 1. «Баланс суммы Казанского университета за 1810 год». 1 л.). В 1816 году при наличии вакантных мест в Казанском университете значительная часть выделенных средств не была оприходована. И если, как свидетельствовали современники, здания и мебель ветшали, то, видимо, их не ремонтировали и не закупали, хотя финансовые отчеты свидетельствовали иное. (См.: НАРТ, Правление, д. 123 «Отношения попечителя учебного округ Салтыкова к ректору университета». 1816. Л. 13–13 об.)

⁴⁵ Например, конфликт Яковкина с профессором К.К. Фойгтом описан в письмах С.Я. Румовскому (см.: НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 340 «О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров». 1810. Л.11–12; 38–40.

⁴⁶ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. С. 84–85.

лась своеобразная селекция профессорского совета: после ряда увольнений и поданных отставок в нем остались наиболее терпимые и сервильные члены.

Ситуация в Казани была явно экстремальная. В остальных российских университетах каждодневное управление осуществлял ректор. Университетский устав рассматривал это должностное лицо как согласованный с правительством корпоративный выбор. В реальности такого согласия удавалось достичь довольно редко. Самоорганизующаяся модель корпоративности, дарованная университетам в уставе 1804 года, сопротивлялась и конфликтовала с приказной системой российской государственности. В чиновных бумагах это сопротивление описывалось через историческую аллюзию — борьба «варягов» за власть в русских университетах (имелись в виду прибывшие в Россию профессора-иностранцы).

Все попечители комплектовали свои университеты иностранными специалистами. Однако в дальнейшем они по-разному относились к ученым рекрутам. В Московском университете соотношение российских (на языке того времени «русских») и иностранных профессоров постоянно менялось в пользу отечественных: 18 против 14 в 1806 году и 18 против 11 в 1811 году. Исследователь государственной политики Ф.А. Петров считает, что такие перемены были результатом протекционистской политики Муравьева, создававшего благоприятные условия ученой карьеры для молодых россиян⁴⁷. В Казанском же и Харьковском университетах долгое время иностранцы составляли основу преподавательского состава.

Зарубежные преподаватели не вызывали тревоги у чиновников министерства до тех пор, пока речь не заходила о корпоративных интересах и управлении университетами. Но если иностранцы претендовали на административные должности, попечители начинали дружно возражать против этого. Так, будучи попечителем Московского университета, граф Разумовский считал неудобным избирать немцев деканами «как по незнанию языка, так и по недостаточному понятию о наших законах», отчего в университете «происходят частая недоразумения»⁴⁸. Ему вторил Потоцкий, который писал из Харько-

---

⁴⁷ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т. 1. С. 152–153.

⁴⁸ РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 71 «По представлению Попечителя Московского Университета Графа Разумовскаго об изходатайствовании утверждения на нынешний

ва: «в случае утверждения Г. Рижского в звании Ректора, остаются токмо одни иностранные профессора деканами; <...> избрание сих последних произошло от начавшейся недавно в Университете интриги <...>, посредством коей они надеются получить преимущественную пред другими власть управлять по большинству голосов Университетскими делами»; «я сам едва ли в состоянии был бы отвечать за все беспорядки и упущения, какия от незнания их российского языка, законов и порядка дел неминуемо должны произойти»⁴⁹. Очевидно, попечителям было удобнее доверить управление университетом соотечественнику, который и подчиняться привык, и деваться ему было некуда.

При различии нюансов все попечители не признавали за подчиненными им университетами права на автономию, не поощряли университетской демократии, были склонны видеть в профессорах не свободных интеллектуалов, а нанятых чиновников просвещения. С точки зрения бюрократической власти в университете всё делалось ужасно медленно. В министерство часто поступали сообщения чиновников, возмущенных тем, что в университете всё намеренно затягивается и вязнет (дело, которое можно было решить за полтора часа, в профессорском совете заняло «по причине споров и отговорок двоих только членов» целых пять часов (с 12 до 5-ти часов по полудни))⁵⁰). Сами же университетские люди постоянно испытывали стресс от хронического недостатка времени.

Все попечители желали иметь в своём подчинении профессоров «тихих нравом»⁵¹ и считали своим служебным долгом избавлять университет от профессоров с «шумным характером»⁵². Политической власти нужны были назначенные и верные представители ее инте-

---

год Ректором профессора Гейма также и об утверждении Деканами факультетов им представляемых профессоров Брянцева, Прокоповича-Антонского, Рихтера и Матеи». 1808. Л. 18.

⁴⁹ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 90 «Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров Тимковского, Стойковича, Шумлянского, Баллю — деканами». 1808–1809. Л. 1 об.

⁵⁰ Нагуевский Д.И. Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832). Историко-литературный очерк. Казань, 1904. С. 143.

⁵¹ РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 95 «Дела об избрании ректора и деканов». 1810–1814. Л. 9.

⁵² НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 340 «О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров». 1810. Л. 38–40.

ресов. Ради этого она легко переступала через дарованный ею же устав и признавала выборы ректора недействительными (как это было в случае с избранием в Казани И.О. Брауна)⁵³; или игнорировала выборы деканов и принимала решение провести, к примеру «вместо же других двух Делавиня и Коритаря <...> Профессоров Шумлянскаго и Стойковича, из коих первый заслуживает преимущество по числу шаров при выборе ректора; а последний при известной деятельности соединять совершенное познание российского языка»⁵⁴.

Отступления от ранее принятых правительственных решений чиновники объясняли вынужденными обстоятельствами или недоверием к университетскому совету: «Гг. Профессоры при выборе Ректора, выпускают из виду пользу места, а увлекаются более личностью», — писал попечитель П.А. Оболенский⁵⁵. Так же вольно они манипулировала со сроком полномочий избранных администраторов. По уставу самым коротким был срок исполнения должности ректора — один год. Профессоры не выказывали неудовольствия по данному вопросу. Короткий срок позволял им узнать кандидата на место «первого среди равных» и если что, то избавиться от него во время следующих перевыборов.

Чиновникам же это обстоятельство создавало массу неудобств. Во-первых, выборы ректора были лишним поводом для беспокойств. Они сопровождалась борьбой за репутации, складыванием групп по интересам⁵⁶. Во-вторых, за такой срок ректор не успевал «войти в курс дела (дел)», понять интересы власти и сработаться с попечителем. В результате ректоры сильнее зависели от коллег, чем от попечителя. Многие не торопились «с рвением» выполнять предписания Главного правления училищ. Поэтому все попечители были едино-

---

⁵³ РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 95 «Дела об избрании ректора и деканов». 1810–1814. Л. 9.

⁵⁴ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 90 «Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров Тимковского, Стойковича, Шумлянскаго, Баллю — деканами». 1808–1809. Л. 1об.

⁵⁵ РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 307 «Об увольнении Ректора Императорского Московского Университета Гейма от сей должности с пенсионом и об утверждении на место его Ректором Профессора сего Университета Прокоповича-Антонскаго». 1819. Л. 3.

⁵⁶ Так, в мае 1811 года на втором туре выборов, набрав с профессором Геймом одинаковое количество голосов, Страхов снял свою кандидатуру и отказался от кресла ректора «по причине слабого здоровья». П.И. Голенищев-Кутузов в своем представлении писал о «неутомимой деятельности и полезных трудах Г. Ректора Гейма» и просил «о исходатайствовании ему ободрения». Там же. Л. 16 об.

душны в том, что срок исполнения ректорских обязанностей должен быть продлён. Они поощряли и даже добивались переизбрания поправившегося ректора на второй, третий и более сроки. К 1811 году попечителям удалось провести через Главное правление училищ, а затем добиться высочайшего согласия на внесение изменения в устав по этому вопросу⁵⁷.

После этого в России появился феномен ректорского «долгожительств». В первой четверти XIX в. И.А. Гейм побил абсолютный рекорд по продолжительности университетского управления — одиннадцать лет. Надо сказать, что он действительно был одним из эффективных ученых администраторов, который не боялся ответственных шагов. Он разделил судьбу Московского университета в военное лихолетье 1812 года. Он служил ему сначала как преподаватель, потом как ректор, а будучи в преклонном возрасте — как библиотекарь. Но главный залог его успеха состоял, по-видимому, в том, что Гейм имел поддержку попечителя П.И. Голенищева-Кутузова⁵⁸.

Несмотря на противодействие политической власти, в первое десятилетие XIX века немецкие профессора часто избирались деканами и ректорами, особенно в провинциальных университетах. Первым ректором Казанского университета стал профессор медицины И.О. Браун⁵⁹, а через несколько лет его сменил профессор медицины К.Ф. Фукс⁶⁰. Оба были практикующими врачами, боролись за жизнь не только своих коллег и студентов, но и горожан, поселян близлежащих деревень. Это способствовало их высокой репутации в мест-

---

⁵⁷ Аргумент приводился один и тот же: «должность сия требует неусыпного попечения, занятия множеством подробностей, строгого наблюдения и взыскания на учащих и учащихся и на всех чиновниках» (см: Об избрании Ректора в Московском Университете на три года (16 сентября 1809) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 115. Стлб. 522–523; Об избрании Ректоров в Харьковском и Казанском Университетах чрез каждые три года (26 мая 1811) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 161. Стлб. 634–635.

⁵⁸ Эти отношения нельзя объяснить сервильностью Гейма. Он не был покорным исполнителем. Например, он не уступил покушениям попечителя на университетскую казну во время эвакуации университета в Нижний Новгород в сентябре 1812 года. (См.: Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1998).

⁵⁹ Браун был известен как окулист. См.: Загоскин Н.П. История. Т. 2. С. 394–398.

⁶⁰ О жизни и деятельности К.Ф. Фукса см.: Гарзавина А.В. «В Казань, профессору К.Ф. Фуксу...». Предисл. М.А. Усманова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.

ном обществе и в корпорации. В связи с этим попечитель Румовский, как ни старался, не смог избавиться от них и аннулировать результаты выборов.

Иная тенденция проявилась в Московском и Харьковском университетах. Первыми московскими ректорами были русские профессора Х.А. Чеботарев (1803–1805)⁶¹ и П.И. Страхов (1805–1807)⁶². Особенно плодотворным было недолгое ректорство Страхова. При нем Московский университет получал благотворительные пожертвования, тогда же началось возведение главного корпуса по проекту М.Ф. Казакова, была построена больница при Клиническом институте на Никитской улице (30 августа 1805 г.) и Родильный госпиталь для бедных рожениц (7 января 1806). Муравьев ценил административный дар Страхова. По его представлению ректор был награжден орденом святой Анны II класса с алмазами, орденом Святого Равноапостольного князя Владимира IV степени. В коллективной памяти Петр Иванович остался примером «ученого, благообразного, скромного и красноречивого оратора, <...> даже несколько светского человека»⁶³. В Харьковском университете профессорский Совет начал действовать с января 1805 года. Первым ректором на нем был избран профессор И.С. Рижский. Подобно Страхову, он имел поддержку попечителя Потоцкого. Поэтому при равенстве голосов он прошел на должность ректора и на следующий год. А в 1807 ректором был избран профессор А. Стойкович⁶⁴.

В Казани в силу специфических обстоятельств отношения выборной университетской администрации и представителей правительства не перерастали в обоюдное сотрудничество. Первый ректор, профессор Браун, был избран в 1811 году. Прибывший сюда годом позже попечитель М.А. Салтыков не нашел в нем единомышленника и

---

⁶¹ Чеботарев Харитон Андреевич — первый заслуженный профессор Московского университета (1776). О нем, см.: Ешевский С.В. Московские масоны. М., 1870; Григорьев Ю.В. Харитон Андреевич Чеботарев (1746–1815) // Ю.В. Григорьев и развитие советского библиотековедения: сборник науч. трудов. Вып. 78. М.: МГИК, 1987. С. 75–78.

⁶² О нем, см.: Левшин Л.В. Деканы физического факультет Московского университета. М.: Физический факультет МГУ, 2002.

⁶³ Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805–1810 годах. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 61.

⁶⁴ Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1. С. 212, 213.

послушного исполнителя приказаний⁶⁵. И тем не менее, когда ему понадобилось уехать из Казани, он нуждался в заместителе и ходатайствовал перед министром о передаче его прав ректору⁶⁶.

В 1816–1817 гг. прогнозы на будущее университетов в российских политических кругах были весьма пессимистичными. Именно тогда император впервые лично посетил заложенные им храмы науки (Московский университет в августе 1816 года и Харьковский университет в сентябре 1817 года). «Между профессорами не находилось ни одного человека, который бы снискал имя в ученом свете; государь пожимал плечами, и я читал на лице его, что он был недоволен», — сообщал о впечатлениях Александра I сопровождавший его офицер⁶⁷.

Но ликвидировать в России университеты, как шептались об этом скептики⁶⁸, император не решил. Во-первых, он позиционировал себя на международной арене просвещенным монархом, покровителем науки, искусства, образования. Поэтому, несмотря на кризис европейских университетов, оппозиционные настроения прусского студенчества и мистические настроения собственных придворных кругов, Александр I не пошел по пути Наполеона и не закрыл университеты. Слава душиателя просвещения ему была ни к чему. С другой стороны, император нуждался в специалистах. Среди современников стали афоризмом его слова: «В России народу много, людей нет». Модернизирующийся по западному образцу государственный аппарат испытывал острый дефицит в управленцах, правоведах, врачах, учи-

---

⁶⁵ В своем донесении министру А.К. Разумовскому от 15 июля 1816 года он сообщал об обнаружившихся в возражениях Совете «упорстве», «недоброжелательстве» (НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 611 «Об утверждении адъюнктов Лобачевского и Симонова в звании экстраординарных профессоров». 1815–1816. Л. 5).

⁶⁶ НАРТ, ф. 92, оп. Правление, д. 4 «О поручении должности попечителя профессору Брауну». 1814–1815. Л. 1–1 об, 2.

⁶⁷ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 476–477. Для сравнения, обнаруженное описание этого же посещения университета З.Я. Карнеевым и адресованное министру А.Н. Голицыну, представляет собой сухой отчет. О неудовольствии императора попечитель умолчал (РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 294 «Краткий отчет о состоянии ун-та, его библиотеки и кабинетов и ведомость об учебных заведениях Харьковского округа». 2 октября 1817. Л. 22).

⁶⁸ Об этом писал казанским профессорам Салтыков: «помимо Московского университета все остальные должны пасть». См.: Письмо М.А. Салтыкова к Ф.К. Броннеру от 12 января 1817 года // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка. Казань, 1902. С. 362 (перевод с франц.)

телях. А съедавшие огромные государственные средства университеты выпускали их единицами. Да и в обществе резких перемен в отношении к образованию не произошло⁶⁹. Очевидно, пришло время подводить предварительные итоги, и они оказались неутешительными. Управление университетами было признано неэффективным.

Целый ряд причин внешне- и внутривластного характера способствовали тому, что изменения в российском образовании во второй половине 1810-х годов пошли по пути соединения «веры и ведения», внедрения в школы «христианского благочестия»⁷⁰. Для этого были объединены министерство народного просвещения и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий⁷¹.

Поворот в правительственном курсе потребовал изменения состава Главного правления училищ. В период с 1816 по 1819 год он обновился более чем наполовину: из двенадцати его прежних членов осталось только семь, но при этом общее их число выросло к 1819 году до шестнадцати. Сменились попечители почти всех учебных округов: в Московском — место П.И. Голенищева-Кутузова (с 1812 по 1817 год) занял князь А.П. Оболенский (с 1817 по 1825); в Харьковском — вместо С.О. Потоцкого был назначен З.Я. Карнеев, в Казанском образовалась вакансия. К приметам времени можно отнести вхождение в Главное правление училищ церковных администраторов: архимандритов Филарета — ректора Санкт-Петербургской духовной академии и Иннокентия — ректора столичной семинарии, а также, князя П.С. Мещерского — обер-прокурора Священного Синода⁷².

Одна из задач, поставленных перед «соединенным министерством», состояла в том, чтобы унифицировать различия в организационном устройстве университетов и привести их в соответствие с

---

⁶⁹ Для мотивации учиться использовались привычные рычаги административного воздействия. См.: О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники (6 августа 1809 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 112. Стлб. 510–517.

⁷⁰ Манифест об Учреждении Министерства Духовных Дел и Народного просвещения // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 34. № 27106.

⁷¹ Учреждение Министерства духовных дел и Народного Просвещения (24 октября 1817 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 301. Стлб. 971.

⁷² См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1816. Ч. 1. С. 430–431; на 1819. Ч. 1. С. 508.

правительственными постановлениями. По нисходящей линии исполнителями этих указаний стали вновь назначенные попечители. Многие из них обрели на этом репутацию «обновителей». Особенно откровенно так себя позиционировал М.Л. Магницкий.

В этом контексте неординарной оказалась ситуация в Московском университете. Московская фронда еще до войны 1812 года наделила его статусом национального русского университета. Он еще более повысился вследствие войны и пожара. Восстановление сгоревшего университета стало общенациональным делом всех ответственных интеллектуалов (книги для него присылались из всех университетских библиотек)⁷³. Такие обстоятельства способствовали сплочению местной корпорации и ответственных за неё правительственных чиновников. По крайней мере, источники не сохранили сведений о конфликтах московских профессоров и попечителей в эти годы. Более того, после возвращения студентов и преподавателей из эвакуации (январь 1813 года) обычно высокомерный П.И. Голенищев-Кутузов предоставил им свой дом для проведения заседаний Временной комиссии по всем частям Университета для управления делами учебного округа и приведения в порядок расстроенных нашествием неприятеля Университетских заведений⁷⁴. В по-

---

⁷³ Целая серия постановлений и распоряжений была издана для его восстановления, в том числе: О возобновлении здания Московского университета (26 января 1817) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 267. Стлб. 882; О сооружении храма в доме Московского Благородного Пансиона, о содержании шести воспитанников и об определении Директора (5 февраля 1818 года) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 307. Стлб. 1048; О приобретении анатомического кабинета для Московского университета (8 февраля 1818) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 308. Стлб. 1049; О прибавке суммы на содержание Московского университета, в пособие Обществу испытателей природы (9 февраля 1818) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 309. Стлб. 1050; О правилах обеспечения участи служителей Московской университетской типографии (23 июля 1818) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 320. Стлб. 1094–1097; О постройке новых зданий для Московского университета (12 февраля 1821) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 404. Стлб. 1448–1450; О постройке для типографии Московского университета Каменного корпуса (22 февраля 1821) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 405. Стлб. 1450–1452.

⁷⁴ Шевырев С. История императорского Московского университета. С. 421.

слевоенное десятилетие здесь не было увольнений профессоров и усиленного контроля за преподаванием.

В отличие от Москвы, к концу 1810-х годов в Казани не осталось не только следов университетской автономии, но и риторики университетских свобод. Управление попечителя М.Л. Магницкого (1819–1825) осталось в корпоративной памяти, а потом и в историографии, временем «мракобесия» и «реакции» не столько по идейным причинам, сколько по стилю его отношений с университетскими преподавателями и студентами⁷⁵. Уволив деспотичного Яковкина, Магницкий установил в университете свой вариант деспотизма. Возможность этого была подготовлена не только предшествующей селекцией профессоров, а также отъездом из России части немецких ученых, но и ревизией 1819 года. Проверки Казанской губернии, в ходе которых ревизоры навевались в университет, были частным явлением в начале XIX века⁷⁶, но никогда ранее они не были посвящены специально университету и не решали задачу выявить значение, «какое университет имеет для умственного развития страны»⁷⁷.

Возглавляя эту тотальную проверку, Магницкий получил не только сведения о всех слабостях созданной организации, но и составил себе представление о каждом члене местной ученой корпорации. Дав правительству резко отрицательный отзыв о состоянии восточного учебного округа, он получил его в полное распоряжение для исправления обнаруженных недостатков. Полученные диктаторские полномочия попечитель направил на чистку корпорации. В результате по разным причинам были уволены 11 профессоров, почти половина наличного состава профессорского совета. А ректор опять стал избираться только на год «для усмотрения способностей». Если ректор оказывался исполнительным и преданным, то попечитель просил министерство продлить срок его полномочий еще на три года⁷⁸.

---

⁷⁵ Феоктистов Е.М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 7. С. 20.

⁷⁶ Обзор ревизий Казанской губернии приведены в кн.: Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. С. 95–97.

⁷⁷ Булич Н. Из первых лет Казанского университета. Ч. 1. С. 386–387.

⁷⁸ Об освобождении Ректора Казанского Университета от заседания в хозяйственном Правлении Университета (12 января 1825 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 496. Стлб. 1609–1611.

Понятно, что в таких условиях ни о какой административной автономии и тем более идейной свободе речь уже не шла. Попечитель определял не только кадровые назначения, но и учебные планы, а также содержание лекций, заказывал тематику исследований. По сути, он отменил принцип самоорганизации университета, полностью превратив его в приказное государственное учреждение⁷⁹.

Усилению режима личной власти над корпорацией Магницкий уделял самое пристальное внимание. Созданные им «Инструкции» ввели новую административную должность директора университета. Им мог быть назначен любой чиновник, способный контролировать хозяйственную, полицейскую и нравственную части университетской жизни. За всё он отвечал лично перед попечителем⁸⁰. Благодаря разделению университетского управления надвое (ректорская и директорская ответственности), Магницкий смог оставаться в столице, а профессора постоянно ощущали его присутствие в университете через письма, предписания, осведомленность попечителя. Университетская корпоративность особенно ослабела в период ректорства Г.Б. Никольского, который посвящал попечителя во все детали корпоративных отношений. Все служащие университета жили в эти годы под страхом увольнения, а они происходили довольно часто. Правда, всё это не решило проблемы корпоративных конфликтов, с которыми боролось министерство.

За год до отставки Магницкий провел новый «эксперимент». Он вывел ректора из состава Правления (финансового органа) и оставил только во главе Совета (учебно-организационного органа)⁸¹. Председателем Правления стал директор. Таким образом, государственному чиновнику были отданы в личное ведение все хозяйственно-финансовые дела университета. И вот тогда преподаватели, помнившие тиранию директора Яковкина, бесконтрольно распорядившегося их жалованием, вышли из покорного молчания, и на имя взошедшего на престол Николая I посыпались письма с обвинениями попечителя.

---

⁷⁹ Инструкции директору Казанского университета (17 января 1820) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 374. Стлб. 1199–1120.

⁸⁰ Первым директором был назначен А.П. Владимирский, врач, знакомый Магницкому по Симбирску, который благодаря протекции попечителя стал профессором повивального искусства.

⁸¹ Об освобождении Ректора Казанского Университета от заседания в хозяйственном Правлении Университета (12 января 1825 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. № 496. Стлб. 1609–1611.

В ситуации, когда новое правительство меняло курс в области образования, министр признал, что в Казанском университете нарушены правительственные постановления, а попечитель превысил свои полномочия. В феврале 1826 года Магницкий был отстранен от должности. Его управление университетом закончилось тем же, с чего началось — ревизией⁸².

Религиозный ренессанс трансформировал не только Казанский университет. Сокращение университетской автономии произошло в Харькове и Петербурге. Правда, там это не приобрело столь радикальных форм. Тем не менее везде «голицынские» попечители проводили сортировку профессорского состава под предлогом очищения школы от идейной скверны (дело Г.И. Солнцева в Казани, И.Е. Шада в Харькове⁸³).

Игравших роль «ока государева» и активных проводников курса «христианского благочестия», харьковских попечителей тоже беспокоил факт, что профессора не справляются с возложенными на них государством административными обязанностями. Считая опыт Магницкого успешным, З.Я. Карнеев попытался внедрить его систему в Харькове и даже просил Главное правление училищ «преобразить все по инструкциям Казанского Университета»⁸⁴. А его племянник и преемник по должности Е.В. Карнеев даже написал новый устав

---

⁸² Министр К. А. Ливен отвечал на ходатайство М.Н. Мусина-Пушкина: «поелику Г. Фукс прикован к делам ревизии счетов Казанского университета и о профессоре Жобаре, то до окончания оных и нельзя ходатайствовать о награждении его» (НАРГ, ф. 92, оп. 1, д. 3061 «По представлению Г. Исправляющего должность попечителя Казанского учебного округа, о прибавке профессору Фуксу 1000 р. жалования». 1829. Л. 2).

⁸³ Опубликованная с одобрения Совета университета «*Institutiones juris naturae*» была признана министром А.К. Разумовским «не удобной» для изучения российским юношеством. Последовало разбирательство в университете, в министерстве, а затем и в Комитете министров. Приговор правительства был довольно суровым: «Профессора Шада не только не нужно долее оставлять при должности, но с теми правилами какие он обнаружил уже, не может он во все и терпим быть в России, полагал 1; удалив его немедленно от должности выслать за границу; 2-е, обе изданные им книги, истребить совершенно; 3-е. Дать о том знать прочим Университетам» (РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 276а «Об увольнении профессора университета И.Е. Шада, высылке его из России за издание им книги «вредной для воспитания», и об уничтожении изданных им книг». 1816. Л. 8, 14).

⁸⁴ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 477 «Дела об увольнении попечителя Харьковского учебного округа З.Я. Карнеева, о назначении на его место Е.В. Карнеева, и о назначении последнего членом совета министра финансов». 1822–1824. Л. 2.

для Харьковского университета, в котором не было места автономии, но побоялся выйти с данной инициативой в министерство.

Тем не менее попечитель постарался убедить министра в неэффективности профессорского самоуправления. В декабре 1823 года в докладе «О новом образовании Харьковского университета» Карнеев писал: «Важнейший начальник, Ректор, <...> избираясь попеременно из Профессоров, занятых учеными своими упражнениями, не имеет ни времени, ни способов к порядочному исправлению возлагаемой на него посторонней сего рода и весьма трудной обязанности; при том же подвергаясь перемене, не пользуется ни тою властью, ни тем уважением, какая Начальнику приличны. Отсюда общее невнимание к его настояниям и собственная его уклончивость от надлежащей и необходимой во всех заведениях строгости <...>»⁸⁵. Докладывая об этом на заседании Главного правления училищ, он предложил:

1. выбирать ректора в министерстве. «Ректор, — убеждал он, — должен зависеть от определения верховной власти и быть непременно по примеру председателей в присутственных местах, <...> назначается по усмотрению начальства из профессоров или *других просвещенных чиновников*»;
2. освободить его от преподавания. Карнеев считал, что глава ведомства «не имеет права преподавать лекций в Университете»;
3. дать ему в руководство не устав, а «высочайше утвержденные в 17 день Генваря 1820 года инструкции Директору и Ректору Казанского Университета». В случае болезни его обязанности должен был исполнять «проректор, избираемый из профессоров и утверждаемый министром и получающий прибавочное по штату жалованье», который «не освобождается от чтения лекций»⁸⁶.

Кроме того, по мнению Карнеева стоило бы освободить от участия в Правлении профессоров-деканов, заменив их двумя непременно советниками, «из коих один займется письмоводством и счетною частию, а другой будет при том занимать место Директора

---

⁸⁵ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 478 «Дело о рассмотрении проекта преобразования Харьковского университета и Слободско-Украинской гимназии и об увеличении числа казеннокоштных студентов в университете в связи с недостатком учителей в учебных заведениях». 1822–1825. Л. 29.

⁸⁶ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 506 «Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии». 1823–1824. Л. 25–25 об.

Педагогического и Студенцкого Института при Университете; *чиновники сии избираемые из людей просвещенных* и утвержденные Министром пользуются правами Профессоров, исключаясь от преподавания лекций. Не имеющие из них аттестатов на ученые степени производятся в высшие чины на праве Губернских Директоров училищ»⁸⁷. Тем самым, управление бюджетом, учебным округом и студентами отдавалось бы назначенным государством и не вовлеченным в учебный процесс чиновникам, не имеющим ученых степеней.

В отличие от Магницкого, Карнеев в своем стремлении ограничить или ликвидировать университетское самоуправление руководствовался «благими» намерениями. Он видел нежелание профессоров брать на себя административные обязанности. Пользуясь правом самоотвода, многие выбранные деканы и ректоры снимали свои кандидатуры, ссылаясь на «нездоровье», «занятость» исследованиями и преподаванием. В результате нередко в Совете складывалась патовая ситуация, когда большинство голосов набирали два профессора, которые, как справедливо полагал попечитель, в силу возраста и отсутствия авторитета не способны возглавить Совет. Попечителю приходилось добиваться в министерстве продления полномочий прежнего ректора. Так, например, случилось с В.Я. Джунковским⁸⁸. О нем попечитель писал, как о способном организаторе, который был председателем Строительного комитета и в силу этого «наиболее к заступлению сей должности способен»⁸⁹. Желая блага для подчиненных ему профессоров, Карнеев использовал их же аргументацию для обоснования необходимости расширить собственные полномочия и чиновный аппарат попечителя.

---

⁸⁷ Там же. Л. 25об.—26.

⁸⁸ З.Я. Карнееву оказалось удобно работать с Джунковским. В связи с чем попечитель рекомендовал его министру в качестве эффективного университетского администратора. При этом он использовал религиозно-мистическую риторику, характерную для министерства духовных дел и народного просвещения. «Г-н Ректор Джунковский, самых христианских и честных правил» — писал он (РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 477 «Дела об увольнении попечителя Харьковского учебного округа З.Я. Карнеева, о назначении на его место Е.В. Карнеева и о назначении последнего членом совета министра финансов». 1822—1824. Л. 2).

⁸⁹ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 414 «Дела об увольнении ректора университета профессора Т.Ф. Осиповского и об утверждении ректором В.Я. Джунковского». 1820—1835.

Тогда против карнеевского проекта выступил один из основателей российских университетов — академик Н.И. Фус. Человек науки, он доказывал, что «не нужно и не должно сделать Ректора переменным и избирать его из чиновников не ученых и не сведущих в управлении столь важными научными заведениями, совершенно отличным от управления Гражданских Присутственных мест»⁹⁰. Авторитетный для самого императора, академик смог удержать министерство от превращения университетов в приказное присутственное место, где преподаватели удалены от принятия решений.

Итак, первичная адаптация университетской идеи в России привела к изменению позиции государственных чиновников по отношению к учрежденным университетам. Из покровителей и садовников просвещения попечители довольно скоро превратились в более привычных для властных отношений в России контролеров. Отсутствие общественной потребности в университетском образовании, зависимость жалования, возможности службы и индивидуальной защиты от политической власти понуждало университетские корпорации к сервильности. Поражения профессоров в борьбе с чиновниками за административную независимость, профессиональное и человеческое достоинство убедили университетских людей в иллюзорности их академических свобод. Это породило нежелание участвовать в управлении университетом, избегать любых столкновений с бюрократией, уходить во «внутреннюю автономию» (науку или семью). Впрочем, несмотря на непоследовательность правительственной политики, на инициативы попечителей и сложности становления российских университетов, при Александре I призывы ликвидировать видимость и возможность университетского самоуправления не получили поддержки императора.

От импорта модели к «русским университетам»

Причин тому было много, но факт оставался налицо: университетское правление не справлялось с разросшимся объемом административных задач. Управление университетом и учебными заведениями округа, организация общежития студентов и преподавателей,

---

⁹⁰ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 506 «Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии». 1823–1824. Л. 32об.

материально-техническое обеспечение учебных курсов, исследования и просветительская деятельность, благочиние корпорации — вот только часть вопросов, которые должны были решать 28 штатных единиц, предусмотренные уставом.

Вопрос об административных ресурсах профессоров в университете, объеме их полномочий и характере обязанностей становился для министерских чиновников всё более насущным. Его по-разному решали сановники, сменявшие друг друга на посту министра народного просвещения. При смене чиновников уровня министра и попечителя проходила очередная ревизия предыдущего опыта и корректировка системы управления округом. Так, при А.С. Шишкове министерство отказалось от приоритета религиозного воспитания в университетах, ограничившись обрядовой стороной дела (изучением закона Божьего и исполнением треб в университетской церкви).

В то же время университеты становились частью государственной и социальной жизни. И это не только потому, что от них зависело качество «новой породы людей», но и потому что рациональное государство желало контроля над производством и распространением знания. Это ощущалось как условие его стабильности. Не удивительно в этой связи, что чиновники министерства муссировали тему неспособности профессоров координировать научные исследования и самоорганизовываться. Доводы тому и аргументы в пользу собственной значимости для развития просвещения они черпали из материалов корпоративных конфликтов и экзаменационных ведомостей.

Соответственно, положение дел в университетах в министерстве всегда оценивали как кризис, как неудовлетворительное, как несоответствующее вложенным в них средствам. Такой негативизм оправдывал затраты государства на содержание чиновников министерства. Поэтому люди системы охотно сигнализировали императору о срывах в работе университетов и учебных заведений округа.

Из тех же соображений руководители и высший слой чиновников министерства негативно оценивали опыт собственных предшественников. Так, харьковский попечитель Перовский уверял, что министерство духовных дел и народного просвещения «причинило больше вреда, чем пользы», его следствием стало «утеснение наук», «исключение из университетов людей <...> могущих приносить пользу обществу»⁹¹. Казалось бы, такие признания должны были реабили-

---

⁹¹ О народном просвещении в России. Всеподданнейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского // Русская старина. 1901. № 5. С. 363–364, 368.

тировать уволенных профессоров. Однако однажды заподозренному в неблагоденности, профессору не представлялось больше шанса вернуться в университет. Весь пафос ведомственной критики и переоценки своих предшественников сводился к утверждению грандиозного объема предстоящей нынешним чиновникам работы.

Однако в университетах негативный настрой министерских служащих провоцировал появление текстов, содержащих корпоративную рефлексию и меры улучшения. Как правило, их авторами были либо действующие университетские администраторы, либо профессора, имевшие опыт управления в прошлом. В их записках прошлое университета получало позитивную окраску и противопоставлялось его мрачному настоящему. При этом заметна новая тенденция в развитии административной культуры университетской корпорации: часть авторов отказывались от претензий на университетскую автономию вовсе, а часть предлагали усилить взаимодействие университетской администрации с государственной бюрократией. В любом случае, в них не было требований независимости от политической власти.

Эти проекты и записки сыграли важную роль в становлении взаимоотношений государственной власти и университетов. Написанные научным языком, наполненные аргументами и интерпретациями, отражающие университетские реалии, они предоставили бюрократии готовый аналитический материал, дискурсивные единицы и категории. Из них впоследствии создавался специфический дискурс общения власти с российскими интеллектуалами. Собрать их воедино министерству удалось благодаря новой инициативе.

Министр К. Ливен⁹² пригласил принять участие в работе Комитета устройства учебных заведений некоторых российских профессоров⁹³. Из Московского университета это были М.Г. Павлов, Д.М. Пе-

---

⁹² К.А. Ливен был довольно редким для министерства сановником, который признавал право университетов на самоуправление. Ему принадлежат слова: «попечитель есть не что иное, как передатчик мнений университетского Совета к нему, министру» (Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова (1799–1830) // Русская старина. 1892. № 10. С. 136).

⁹³ 11 марта 1829 года К.А. Ливен предложил университетским советам приступить к разработке «Проекта университетов С.-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского». Проект Московского университета отложился в ОПИ ГИМ в фонде помощника попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастова. Он

революционеров, П.С. Щепкин, М.Т. Каченовский, Ю.П. Ульрихс⁹⁴. В благодарность за оказанную честь они прислали в министерство проекты переустройства университетов. Наверное, у столичных профессоров было больше шансов быть прочитанными и услышанными. Все-таки они были ближе к местам верховной власти. Многие из них сановники министерства знали лично в качестве практикующих врачей, частных учителей, посетителей дворянских собраний, издателей журналов и газет. К тому же часть чиновников сами были выпускниками университетов. Кроме того, активность московских профессоров объясняется высоким социальным авторитетом данного университета. К 1830-м годам за ним прочно закрепилась слава «древнейшего» университета Российской империи⁹⁵.

При том что взятый по отдельности каждый профессор был оригинальным мыслителем, способным объяснить чиновникам сложные социальные явления, изобретателем неожиданных управленческих решений, все вместе они плохо справлялись с регулированием корпоративных отношений. Ссоры и обиды сопровождали самоу-

---

проанализирован в: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т. 3. С. 116–133.

⁹⁴ РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 42 «Об устройстве университетов С.-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского». 1828–1835. Профессорские проекты проанализированы в кн.: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 86–105.

⁹⁵ Министр народного просвещения адмирал А. С. Шишков писал Писареву: «Попечение Вашего П-ва вверен один из древнейших русских университетов и все подведомья ему казенные и частные учебные заведения многолюднейшей столицы и одиннадцати губерний. Под глазами вашими будет образовываться не малая часть наших ученых и тринадцать тысяч юношей будут возрастать под руководством вашим». При этом он увещевал Перовского: «Обращаясь <...> к Харьковскому Университету, сему [добавлено в рукописи — «Новому»], разсаднику Просвещения, в котором для окончательного усовершенствования в науках постоянно находится более 325 юношей, посвящающим себя разным гражданским званиям на пользу общественную, я обязанностию почитаю изложить здесь к наблюдению вашего Превосходительства, что заведение сие требует со стороны вашей непрерывного и самого деятельного надзора, дабы достигнув возможного совершенства, могло оно прийти в то цветущее состояние, в котором долженствует быть, чтобы оправдать высочайшее о нем попечение и показать на деле, что не в туне изливались на оное в продолжении более двадцати лет Щедроты Монарха нашего» (РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 97 «Наставление вновь определенным попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву и исполняющему должность Харьковского учебного округа А.А. Перовскому». 1825–1826. Л. 1, 9 об.

правление на протяжении всего времени существования университета. Они порождались субъективностью оценок друг друга, личными предпочтениями в распределении почестей и заслуг. Так было во всех странах и во все времена. Специфика российских университетов состоит в том, что плотная опека власти не сформировала у отечественных профессоров механизмов разрешения корпоративных кризисов. В затянувшихся и трудных конфликтах они апеллировали к сановникам и получали выгодное бюрократии решение.

Корпоративные ссоры и доносы воспринимались Николаем I как просчеты или нерадение министерства. В таких случаях министр и попечители были обязаны «отреагировать», «расследовать», «наказать», «предупредить», а профессора и органы самоуправления должны были «объясниться», «отписаться», «выйти со встречными предложениями».

Наиболее сильной корпоративной культурой в 1830-е годы обладал Московский университет. Поэтому ему удавалось избавиться от чиновников, по тем или иным причинам не устраивавших профессоров. Так, посредством обращений к влиятельным лицам и писем к министру им удалось добиться отставки попечителя А.А. Писарева. Но вместо него князь Ливен назначил энергичного князя С.М. Голицына. Учитывая печальный опыт своего предшественника, он ударил по корпорации ее же оружием — письменной инициативой. Его перу принадлежит целый ряд служебных посланий к министру, главе III отделения А.Х. Бенкендорфу, императору Николаю I (1830—1831 гг.)⁹⁶. Используя аргументы, добытые из писем профессоров в министерство, он доказывал правительству, что настоящие профессора должны быть «кабинетными людьми науки» и заниматься ученой деятельностью. Не им решать, — уверял попечитель, — каким быть образованию в России, как управляться университету, и не им оценивать себе подобных. Всё это прерогатива государственной власти⁹⁷.

---

⁹⁶ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т. 3. С. 135—136.

⁹⁷ С.М. Голицын по воспоминаниям студентов Московского университета «имел возможность делать много добра как для всего ученого персонала вообще, так и для студентов <...>, но ровно ничего для университета не дал». Практически он не был в нем и «почти всецело передал власть свою двум помощникам своим, графу Панину и Голохвастову» (Московский университет в воспоминаниях... С. 179; Гончаров И.А. Воспоминания I. В университете // Гончаров И.А. Собр. Соч. Т. 7. М., 1954. С. 205; гр. Толстой М.В. Воспоминания // РА. 1881. № 2. С. 51; Буслаев Ф. И. Мои вос-

На основании этого Голицын попытался провести сортировку профессорского состава столичного университета.

Расколотаая внутренними противоречиями профессорская корпорация не смогла дать отпор такому наступлению сплоченно. Часть профессоров заявила, что неплохо бы государству быть внимательнее к университету и предложила сделать деканов «помощниками ректора в управлении хозяйственной и учебной частью университета». И только меньшая часть увидела в действиях Голицына покушение на суверенность профессорского совета и основы университетского самоуправления (А.А. Альфонский, Х.Г. Бунге, Д.Е. Василевский, М.Г. Павлов, Л.А. Цветаев). Те и другие не могли прийти к согласию даже по вопросу, должны ли конспекты лекций и проведение занятий контролировать избранные члены корпорации или это прерогатива представителей государства⁹⁸.

В ходе профессорского противоборства в министерство шли послания от всех заинтересованных сторон. Министра поражало согласие преподавателей реставрировать должность директора, несмотря на недавний негативный опыт Казанского университета. Значит, они либо не знали об этом опыте, либо были индифферентны к вопросам управления. Кроме того, Ливен с удивлением обнаружил, что члены профессорского совета не читают распоряжений и постановлений министерства, не знают устав и прочие государственные бумаги⁹⁹. Это сильнее, чем другие доводы подействовало на него и убедило в том, что ученый не может представлять государственную власть в университете.

Он ломал голову над тем, кому вверить надзор над учебной частью — профессорам в лице декана, ректора или отдать на откуп попечителю? Действующим в округах попечителям было проще и естественней самим контролировать наличие конспектов. Но ведь ответственность за качество обучения была на деканах. «Деканы изби-

---

поминания. М., 1897. С. 109). Князь Вяземский писал, что на устраиваемых Голицыным балах «не было ни одного члена университетского. Наши вельможи думают, что ученость нельзя впускать в гостиную» (Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 139–140).

⁹⁸РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 4 «Дело о выработке мер для усиления надзора за ходом преподавания в ун-те и регулировании взаимоотношений между деканами и советом университета». 1831. Л. 2 об.

⁹⁹Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т.3. С. 91, 92, 93.

раются на три года Советом Университета из Ordinарных Профессоров, - напоминала инструкция министерства. - Каждый из них, обязан посещать лекции Профессоров своего Отделения, наблюдать как за ходом преподаваний, так и за тем, чтобы никто из преподавателей без дозволения Совета, не отступал от представленного Конспекта. Деканы обязаны представлять на рассмотрение Совету замечания свои относительно улучшения метод преподаваний и о успехах учащихся»¹⁰⁰.

Кому доверить хозяйственную часть, контроль над расходом бюджетных денег — Правлению, ректору или попечителю? Профессора откровенно чурались выполнения хозяйственных поручений, связанных со строительством и ремонтом, закупкой оборудования и т.п. Выражая общее мнение по этому вопросу, профессор К.П. Паулович писал: «Профессоры, будучи Наставниками, сверх своей Профессорской должности, не могли иметь по закону более одной посторонней при Университете должности. <...> Профессор, преподающий лекции, будучи обременен многими должностями, едва ли может и с большою трудностию все оныя исправно отправлять. При том же, такое неограничение выборных должностей между равными членами может быть причиною многих неудовольствий и сор между членами Университетского сословия»¹⁰¹.

В то же время попечитель нес финансовую ответственность перед министерством за трату бюджетных средств, но вынужден был подолгу ждать принятия решения от профессорской коллегии. Куда проще было бы доверить решение этих дел специальным чиновникам: «непременному члену»; «обер-контролеру»; «непременному заседателю», — подсказывал министру казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин¹⁰².

Какова должна быть роль ректора в университете? Кто он: первый среди равных, определяющий стратегию развития науки или контролёр, следящий за соответствием университета государственным ре-

---

¹⁰⁰ РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 306 «Дело о рассмотрении проекта новой организации Совета, Правления и училищного комитета Казанского университета». 1826–1833. Л. 5.

¹⁰¹ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 579 «Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту». 1825–1835. Л. 86–86 об.

¹⁰² НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 2580 «О необходимости определить в правление университета непременно члена, не из профессоров». 1828. Л. 12 об.

шениям? Как ему справиться с управлением большим учреждением и с преподаванием становящейся всё более сложной науки? «Опыт доказал, — подсказывали министру попечители, — что иногда бывает такое стечение дел и занятий принадлежащих к должности Ректора, что ему невозможно успевать и преподавать лекции и заниматься без отлагательства делами»¹⁰³.

Да и сами профессора писали чиновникам о том, что «ректор так обременен председательством во всех присутствиях, что для других также важных, по его должности, занятий, почти нет времени»¹⁰⁴. Члены корпорации жаловались, что трудно совмещать и прочие административные должности, доказывали, что невозможно преуспеть, если заниматься наукой, преподавать студентам и заседать в Правлении и Училищном комитете, инспектировать воспитанников, визитировать училища округа, заботиться об уровне обучения в приходских, уездных училищах и гимназиях. И в Москве, и в Казани, и в Харькове профессора и попечители исходили из разных посылок, но приходили к единому выводу о том, что преподаватели «избираясь в члены училищнаго Комитета, отвлекаются от существенных своих занятий, то есть от преподавания лекций и от ученых исследований. Между тем, — доказывали чиновники, — присутствие их в Правлении, или в Училищном Комитете не приносит большой пользы, ни большего облегчения Ректору, ибо они не знают ни хода, ни порядка дел, и ежели иностранцы, то часто с трудом понимают Русский язык»¹⁰⁵. «Возлагаемая на Деканов обязанность неисполнима, — вторили им профессора, — ибо не каждый Декан есть Доктор наук, составляющий факультет: по сему его надзор за преподаванием может быть только полицейский, а не ученый. <...> Надзор Деканов, за своими товарищами, не имея существенной пользы и неудовлетворяя ни мало своему назначению, может только быть поводом к неприятностям с обеих сторон»¹⁰⁶.

---

¹⁰³ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 579 «Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту». 1825—1835. Л. 4—4 об.

¹⁰⁴ РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 306 «Дело о рассмотрении проекта новой организации Совета, правления и училищного комитета Казанского университета». 1826—1833. Л. 1.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Это мнение ординарных профессоров Альфонсаго, Бунге, Василевскаго, Павлова (РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 4 «Дело о выработке мер для усиления надзора

Все преподаватели не любили неблагодарную должность инспектора студентов, которая была сопряжена с наказаниями, доносительством и разбором конфликтов. В связи с этим профессора предлагали либо дать инспектору помощников («педелей», до четырех человек)¹⁰⁷, либо назначать его из иных лиц «на усмотрение попечителя»¹⁰⁸.

На все эти сообщения министр отвечал, что необходимо оставить прежний порядок управления согласно уставу 1804 года. Тем не менее письма были прочитаны, обобщены и учтены. На рубеже 1820—1830-х годов в недрах министерства разрабатывался проект новой системы управления университетом, но отдельные изменения в существующий порядок вводились в качестве прецедента, как отклик на пожелания профессоров. Так, в 1831—1832 годы Комитет устройства учебных заведений признал необходимым передать руководство начальными и средними учебными заведениями от профессоров к попечителям¹⁰⁹. В 1833 году для них были выпущены «Статьи, на которые по циркулярному предложению Управляющего министерством, попечители и помощники попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении учебных округов»¹¹⁰.

Как это ни странно, но большую гражданскую активность в эти годы стали проявлять даже не столичные, а провинциальные профессора¹¹¹. В Харькове этому способствовали местные попечители

за ходом преподавания в университете и регулировании взаимоотношений между деканами и советом университета». 1831. Л. 3 об.

¹⁰⁷ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 579 «Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В. Я. Джунковского, И. Н. Даниловича и К. П. Пауловича по этому проекту». 1825—1835. Л. 52.

¹⁰⁸ РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 306 «Дело о рассмотрении проекта новой организации Совета, правления и училищного комитета Казанского университета». 1826—1833. Л. 3.

¹⁰⁹ РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 154 «Проект устава университетов СПб, Московского, Харьковского и Казанского. Четыре экземпляра с различными поправками и изменениями». 1830—1834. Л. 2, 6, 65.

¹¹⁰ Статьи, на которые по циркулярному предложению Управляющего Министерством попечители и помощники попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении Учебных Округов (27 мая 1833) // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения (1802—1834). СПб., 1866. Т. 1. № 433. Стлб. 862—866.

¹¹¹ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 579 «Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В. Я. Джунковского, И. Н. Даниловича и К. П. Пауловича по этому проекту». 1825—1835.

Ю.А. Головкин (1834–1846)¹¹² и его помощник В.И. Филатьев (1830–1835)¹¹³. Так, они инициировали обсуждение устава университета Св. Владимира. Его открытие в Киеве — давнем культурно-историческом конкуренте Харькова, с точки зрения и попечителей, и профессоров могло причинить удар репутации Харьковского университета. На этапе законотворчества необходимо было отстоять интересы своего учебного заведения, сделать так, чтобы прав и возможностей у него было не меньше, чем у ближайшего соседа¹¹⁴. Здесь преподаватели и чиновники проявили редкое единодушие и демонстрировали согласованность действий.

Впрочем, и без этого случая между представителями министерства (назначаемыми из слободского дворянства) и профессорами

---

¹¹² Головкин Юрий Александрович (1771–1846) — потомок именитого дворянского рода, поступил на службу в лейб-гвардии Преображенский полк (1782), в 1784 пожалован в камер-юнкеры, а в 1792 — в действительные камергеры и тайные советники. С 1797 года — сенатор. В 1799 — обер-церемониймейстер, в 1800 — президент коммерц-коллегии. С 1804 года — действительный тайный советник. В 1805 году Головкин был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Китай и по пути туда побывал в Казанском университете. В 1814 году он — посол при Вюртембергском дворе. С 1818 по 1822 год — служил в Вене. А в 1831 году — получил должность обер-камергера Высочайшего двора. В 1832 году — член Государственного совета по департаменту законов, кавалер орденов Св. Александра Невского и орден Св. Андрея Первозванного. Головкин сам изъявил желание возглавить Харьковский учебный округ в качестве попечителя. На тот момент ему исполнилось 63 года. Он глубоко уважительно относился к профессорам и был убежден самоуправление будет способствовать расцвету университета (Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 273–274, 325).

¹¹³ Филатьев Владимир Иванович (р. 1782) — дворянин. В 8 лет был зачислен на службу вахмистром в конный лейб-гвардейский полк. В 1801 году — поручик, в 1802 году — штаб-ротмистр, в 1803 году — ротмистр, в 1804 году уволен в чине полковника. В 1806 году — начальник уездной милиции. В 1807 году — бригадный командир батальонов Ярославского земского ополчения. По окончании службы в земском ополчении получил золотую медаль и право ношения мундира. С 1812 по 1827 год он — уездный, а затем и губернский предводитель дворянства. С 1827 года — член совета министра внутренних дел. В 1828 году — член комитета по устройству казенных крестьян и главного управления цензуры от министерства внутренних дел (Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 198–199).

¹¹⁴ Практика харьковского попечителя и профессуры дала свои результаты: 28 мая 1835 года министр народного просвещения отделил административную часть от учебной, подобно тому как это было сделано в университете Св. Владимира (Об отделении в Харьковском университете административной части от учебной (28 мая 1835) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. № 350. Стлб. 701.

Харьковского университета сложились отношения сотрудничества¹¹⁵. Признав такой вариант удачным административным опытом, министерство предпочитало и впредь назначать попечителей из местных дворян и побуждало их жить в центре учебного округа, в непосредственной близости от управляемой корпорации¹¹⁶.

А вот в Казани сотрудничества представителей государства и учебного сословия так и не сложилось. Не было этого при попечителях Александровской эпохи, не изменилось это и с приходом полковника в отставку М.Н. Мусина-Пушкина. При нем управление университетом сосредоточилось в руках двух людей — попечителя и ректора¹¹⁷. Они же представляли интересы Казанского университета в министерстве.

Очевидно, в Казани уклад жизни, определяемый культурными запросами богатых помещиков центрального Черноземья (к которым относились попечители М.Н. Мусин-Пушкин¹¹⁸ и В.П. Моло-

---

¹¹⁵ Хотя были и исключения, например попечитель А.А. Перовский (1825–1830) (Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 179, 180).

¹¹⁶ В 1826 году император так выразил свою волю: «Утвердить полковника Мусина-Пушкина, коему местные обстоятельства совершенно известны» (РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 220. 1826. Л. 32).

¹¹⁷ Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин — попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVII — XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы межд. науч. конференции, 23–25 июля 2009. СПб., 2009. С. 91.

¹¹⁸ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) происходил из старинного дворянского рода. Его отец — действительный камергер Николай Михайлович заключил брак с княжной Авдотьей (Евдокией) Сергеевной Болховской — наследнице богатого села Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Михаил получил домашнее воспитание под началом опытного гувернера — саксонца Иоанна Михаила Томаса. В 1810 году мальчик успешно сдал выпускные экзамены в Первой Казанской гимназии, а затем вместе с троюродным братом Владимиром Молоствовым — экзамен на чин в Казанском университете. Благодаря протекции камергера молодые выпускники были зачислены колонновожатыми Свиты Его Императорского Величества квартирмейстерской части. В 1811 году Мусин-Пушкин — прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка. Участник, герой Отечественной войны и заграничных походов. В 1816 году был произведен в звание гвардии-капитана Семеновского полка, в 1817 году назначен командиром Девятнадцатого Егерского полка в чине полковника. Проживая в северной столице, Михаил Мусин-Пушкин сумел остаться политически корректным в водовороте фрондирующих настроений офицерства 1816–1825-х годов. В 1819 году он стал бригадным командиром, но в январе 1821 году неожиданно оставил военную службу, вернулся в Казань, где вскоре женился на княжне А.С. Баратаевой — дочери бывшего генерал-губернатора Казани. Сенатор, казанский помещик и сосед Мусина-Пушкина П.Ф. Желтухин, проводив-

ствов¹¹⁹), не породил социального равенства местных дворян и университетских профессоров. В этой связи местным попечителям было проще управлять ученой корпорацией через доверенное лицо, выдвинутое на должность ректора. При Мусине-Пушкине таковым стал профессор математики Н.И. Лобачевский¹²⁰, а при его преемнике В.П. Молоствове — профессор астрономии И.Н. Симонов. Мусин-Пушкин многое сделал для того, чтобы Лобачевский вошел в местное дворянское общество. Он сосватал за него свою двоюродную сестру — богатую помещицу В.А. Моисееву¹²¹, сам стал крестным их сына Николая.

Иное дело профессора Московского университета, гордившиеся университетскими свободами и собственной независимостью. Признанные за равных в среде столичного дворянства, они смогли успешно противостоять претензиям министерских чиновников, полагали необходимым иметь «свое мнение» и имели возможность передавать его через голову попечителя вышестоящему начальству. В таких условиях даже весьма просвещенному попечителю А.А. Писареву (1825—1830)¹²² не удалось удержаться в должности, войдя в конфликт с уче-

---

ший ревизию университета, способствовал назначению Мусина-Пушкина попечителем Казанского учебного округа. За 17 лет попечительства Мусина-Пушкина и его сотрудничества с ректором Н.И. Лобачевским произошел расцвет Казанского университета. С 1845 по 1860 год Мусин-Пушкин возглавлял С.-Петербургский учебный округ, столичный цензурный комитет, претендовал на пост министра народного просвещения после ухода С.С. Уварова. См.: Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин — попечитель Казанского и Петербургского учебных округов // Санкт-Петербургский университет в XVII—XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы Межд. науч. конференции, 23—25 июля 2009. СПб., 2009. С. 88—106.

¹¹⁹ О Молоствове см.: Фролова С.А. Казанская ветвь дворянского рода Молостровых (вторая половина XVIII—1861 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1998 С. 167—190.

¹²⁰ В 1828 году казанский попечитель представил «Проект образования присутственных мест в Казанском университете» или «Проект нового образования Совета, Правления и Училищного комитета» (НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 2580 «О необходимости определить в правление университета неперемennого члена, не из профессоров». 1828. 4 л.).

¹²¹ Агафонов Н.Я. Из казанской истории. Казань, б.г. С. 38.

¹²² Писарев Александр Александрович (1780—1848) — из семьи дворян Московской губернии, получил блестящее домашнее образование, выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. В 1797 году зачислен подпоручиком в лейб-гвардейский Семеновский полк. Герой Отечественной войны и заграничных походов. За отличие в сражении под Люценом произведен в генерал-майоры. В отставку

ной корпорацией. А его преемнику графу С.Г. Строганову (1835–1847)¹²³ (несмотря на дружбу с самим государем, личные заслуги в развитии искусства и науки) многие годы приходилось лавировать между профессорскими группами (поддерживал «западников» в ущерб «славянофилам»).

вышел в 1823 году, в тот же день был избран президентом Московского общества любителей истории и древностей Российских. Попечитель Московского университета (1825–1829), с декабря 1829 — сенатор. 1 января 1836 — член Совета по управлению Царством Польским, с 1840 по 1845 год — генерал-лейтенант, варшавский военный губернатор. С 1845 года — член Московского департамента Сената. Один из первых историков отечественной войны 1812 года (Сухомлинов М. История российской академии. СПб., 1885. Т. 7; Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 годах // Российский архив: сб-к. М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. Т. 7. С. 514–515).

¹²³ Строганов Сергей Григорьевич (1799–1882) — из московских дворян, урожденный барон, граф, государственный деятель, археолог, меценат, коллекционер, московский градоначальник. В 1810 году поступил воспитанником в Институт корпуса инженеров путей сообщения. После его окончания был зачислен на военную службу. В 1811 году получил первый офицерский чин — за успехи в науках был произведён в прапорщики. Участник Отечественной войны и заграничных походов. В 1813 году за отличие в сражении при Лейпциге был произведён в капитаны. С 1815 по 1860 год постоянно проживал в Москве. В начале 1823 года был произведён в полковники. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 годов. В 1831–1834 годах — военный губернатор в Риге и Минске, член Комитета устройства учебных заведений. Генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1837), член Государственного совета. Строганов был учредителем первой в России рисовальной школы, бесплатной и открытой для всех талантливых детей, независимо от их сословного происхождения (открыта 31 октября 1825 года). Почётный член Российской Академии наук (1827). В 1835–1847 годах — попечитель Московского учебного округа, президент Московского общества испытателей природы. В течение более чем 37 лет был председателем Московского общества истории и древностей Российских, основанного при Московском университете. Ежегодно он отправлял за свой счет археологические экспедиции на юг России. Результатом раскопок в Крыму стали богатые керченские клады и «скифское золото», ныне хранящиеся в Эрмитаже. В 1859 основал Московское археологическое общество. Являлся председателем Императорской Археологической комиссии. В 1860 был приглашён в качестве главного руководителя воспитания наследника цесаревича Николая Александровича и являлся его воспитателем и учителем по 1865 год. Воспитывал великих князей Александра Александровича, впоследствии императора Александра III, и Владимира и Алексея Александровичей. С 10 марта 1870 года — почётный член Императорского Русского Исторического общества в С.-Петербурге (Граф С.Г. Строганов (некролог) // Исторический вестник. 1882. № 5. С. 476–477; Колмаков Н.М. Дом и фамилия Строгановых // Русская старина. 1887. № 4/5. С. 83–88; Кочубинский А. Граф С.Г. Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов // Вестник Европы. 1896. № 7, 8).

В 1830-е годы идейным основанием реформы университетов стала утверждавшаяся в России в качестве официальной идеология «государственной нации». Еще в 1824 года министр народного просвещения А.С. Шишков писал: «Воспитание народное по всей империи нашей, несмотря на разность вер, ниже языков, должно быть русское»¹²⁴. Сама идея «государственной нации» исходила из западных реалий, опиралась на созданный в них комплекс представлений о культурных границах в мире. Прилагая ее к топографии имперской культуры, официальные идеологи уверяли, что русскоцентричная мифология способна объединить многонародную империю в идейную общность. «Все иноверное российское юношество, — предписывало в этой связи министерство, — должно учиться нашему [то есть русскому] языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы»¹²⁵. В этом контексте правительство желало видеть в университетах проводника национального сознания.

Идеологические изменения породили ревизию устава и всего законодательства, регулирующего жизнь академической корпорации. В новых нормативных документах задача университета — просвещать локальную среду — была перекодирована в интеллектуальный проект создания «русской науки» и конструирования национальных традиций. Западноевропейский романтизм имплантировал в Россию метафору единого национального тела, при этом сама западная культура-донор обрела статус скрытого врага. Провозгласив идею особого пути, основанного на принципах самодержавия, православия и народности, правительство поменяло отношение к западным культурным ценностям и тактику их адаптации: от прямого заимствования к критической рецепции.

Необходимость превентивных мер защиты от «покушений Запада» легализовала всеобъемлющий государственный контроль над университетской жизнью. «Чтобы пагубные мудрствования преступных нововведений не могли проникнуть в многочисленные учебные заведения, — объяснял чиновникам С.С. Уваров, — считаю священной обязанностью обратить внимание: 1) на дух преподавания в училищах и университетах; 2) на поведение и образ мыслей студентов и

---

¹²⁴ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. 1807–1834. С. 535.

¹²⁵ Там же.

гимназистов»¹²⁶. Во исполнение предписания в конце 1830-х годов во всех российских школах появились военные инспектора студентов, государственные экзамены, была введена экспертиза учебных программ и текстов читаемых лекций.

Теория «официальной народности» задумывалась как некий фильтр, который очистит империю от всего неблагонадежного и идейно опасного. Применительно к университетам она применялась в качестве противоядия интеллектуальному разномыслию и инакомыслию. Поэтому министерство добивалось от профессоров согласия на сотрудничество и идейного подчинения. С несогласными и независимыми поступали не церемонясь. Так, если преподаватель словами или действиями подвергал сомнению *самодержавную форму правления*, как идеальную и единственно верную — он исключался из университета, попадал в черные списки, распространяемые по всем университетам империи. Если преподаватель выказывал неуважение к *православию* — официальной религии России, или придерживался атеистических взглядов, он также подлежал исключению из ученого сословия. Если преподаватель был обвинен в игнорировании или неуважении к интересам *«русского народа»*, его следовало уличить в неисполнении долга, подвергнуть обструкции¹²⁷.

В этой связи показательным является дело экстраординарного профессора Московского университета В.С. Печерина, в 1836 году командированного министерством в Берлин «для свидания с одним весьма близким ему семейством, и в особенности, для напечатания у книгопродавца Дюмлера диссертации своей». Профессор не вернулся в Россию. Когда в Петербурге стало известно, что университетский преподаватель отрекся от православной церкви и принял католичество (дело обычное для Александровской эпохи), он был исключен со службы, а в 1848 году Сенат вынес решение о лишении его российского гражданства и всех прав состояния¹²⁸. Казус Пече-

---

¹²⁶ Цит. по: Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Казанский университет между Востоком и Западом. Казань, 2006. С. 37.

¹²⁷ РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 250 «Дело о разрешении кандидату философии и общественных наук экстраординарного профессора университета В.С. Печерину поездки в Берлин во время летних каникул по личным делам и о невозвращении его в Россию в связи с переходом в католичество и поступлением в монастырь». 1836–1845. Л. 1–1 об., 26–26 об.

¹²⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т.4. С. 152.

рина показателен как иллюстрация утверждения в российских университетах национальной идентичности, потребовавшей прикрепления ученого к месту и патриотизма этого места.

Примером политической гибкости университетов, позитивной реакции профессоров на изменение правительственного отношения к западной культуре служат обстоятельства избрания киргизского хана Джангира Букеева почетным членом Казанского университета (1840). До этого данное звание в российских университетах получали только западные ученые и политики. Обсуждение носило открытый, дискуссионный характер, в ходе которого выявились противники «восточного представительства» в университете. В этой связи обоснование инцидента было поручено востоковеду с мировым именем, немцу по происхождению, профессору И.Ф. Эрдману. Он напомнил коллегам, что, во-первых, хан является «значительным лицом, *удостоенным высочайшего внимания*», а во-вторых, он почти европеец, поскольку «отличается во всех отношениях пред своими соплеменниками своим образованием и просвещением», к тому же, он «оказал свое покровительство ученому сословию и заведению Императорского Казанского университета значительным пожертвованием весьма важных рукописных сочинений»¹²⁹. Таким образом, отечественные интеллектуалы приняли участие в правительственной инициативе по межеванию пространств цивилизации и варварства, поддержали верховную власть в стремлении интегрировать российский Восток в зону просвещения.

Конечно, с самого основания университетов профессора были вынуждены поступаться многими своими убеждениями и взглядами, сообразовывать их с интересами имперской власти. Но с середины 1830-х годов правительство взяло курс на последовательное искоренение идейной автономии интеллектуалов. Подписывая обязательство не вступать в тайные общества¹³⁰, посещать церковные богослужения

---

¹²⁹ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 5078 «По представлению Совета Казанского университета об утверждении хана Букевской орды Джангира почетным членом Казанского университета». 1840. Л. 1, 3, 3об.

¹³⁰ Высочайшим рескриптом на имя управляющего МВД от 1 августа 1822 было определено, чтобы все чиновники «обязанными были подписками, что они ни к каким ломам или тайным обществам не принадлежат и впредь принадлежать не будут; без каковых подписок они к местам и в службу определяемы быть не могут». Министерство неусыпно следило за тем, чтобы вновь поступающие на службу знакомились с данным законом и своевременно давали ответ подпиской (НАРТ, ф. 92,

жения в университетских храмах¹³¹, носить форменный костюм, утвержденный правительством¹³², предоставлять конспекты лекций и программы занятий на проверку, а тексты исследований на цензуру, профессора («чиновники университета» по бюрократической терминологии) доказывали свою лояльность государственной власти. В эти годы российский университет далеко отошел от своего немецкого прототипа.

За понесенную жертву государство старалось заплатить профессорам сотрудничеством с ними в деле организации их управления. В николаевское правление просвещенная бюрократия не раз обращалась к университетам за советом и предложениями по этому вопросу. И каждый раз такие обращения вызывали наивный оптимизм со стороны университетариев. Очевидно, многие верили, что их мнение будет учтено бюрократами и что их доводы смогут убедить министерство. Эта вера побуждала профессоров проводить трудоемкую аналитическую работу: собирать статистические сведения о школах, обобщать исторический материал по Российской империи, составлять на их основе стратегию развития образования. В результате министерство получало «записки», которые содержали готовый анализ уставов, современного состояния университетов, предложения по их

оп. 1, д. 2942 «Об определении чиновников в службу и о взятии с них подписки о непринадлежности их к тайным обществам». 1829. Л. 1).

¹³¹ Бывший студент Казанского университета вспоминал: «Я помню, как таинственный полумрак (университетской. — *Р.Г.*) церкви невольно внушал мне, студенту, религиозные стремления. Я помню, с какой официальной торжественностью, тихо и стройно совершались службы <...>, как плащаницу выносили Мусин-Пушкин и Лобачевский, инспектор студентов Ахметов и старший декан; помню, как после Христовой заутрени все мы, студенты университета, после христосования со священником и дьяконом, христосовались с Мусиным-Пушкиным и Лобачевским. Все это давно прошедшее, но постоянно памятное и незабвенное!» (Воспоминания В.П. Вагнера // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / ред. Л.Б. Модзалевский. М.; Л., 1948. С. 642–643).

¹³² Профессорско-преподавательский состав и чиновники министерства народного просвещения имели одинаковый цвет и форму парадного мундира. «Университеты и их Учебные округа имеют такой же мундир, но различаются между собою узором и цветом шитья. На мундирах Университетов пуговицы с изображением Государственного герба, а училищ по губерниям с изображением герба их губернии» (Университеты и Извлечение из положения о гражданских мундирах: описание мундиров по Министерству Народного Просвещения (27 февраля 1834 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. СПб., 1864. № 358. Ст. 544–550).

усовершенствованию, в том числе пожелания избавить профессоров от всевластия бюрократии (!).

А чиновникам министерства было полезным узнать, что не существует взаимодействия университетских советов, и даже нет согласия между профессорами внутри одного совета. Они выяснили, что университетское пространство страны сегментировано, что отечественные университеты не представляют из себя единой корпоративной общности¹³³. Полученные с мест предложения имели локальный характер, противоречили одно другому, содержали взаимоисключающие советы. Таким образом, у министра была возможность выбрать из собранного массива любой вариант решения или вообще отказаться от всех. Так, обсуждая с профессорами проект устава 1835 года, Уваров считал более важным по этому вопросу мнение опытного правоведа М.М. Сперанского¹³⁴. А проведя своеобразный мониторинг университетского мнения, министр положил в основу всероссийского устава разработанный им самим устав университета Св. Владимира.

В нем попечитель был назван «начальником университета и его учебного округа», который «во всех частях строго наблюдает, чтобы подчиненные ему места и лица исполняли неупустительно свои обязанности; обращает особенное внимание на способности; усердие и благонравие профессоров и других чиновников, принимая в тоже время меры к прекращению всякого рода беспорядков» (§5). При обсуждении проекта попечители сочли такую формулировку излишне «мягкой» и добились её изменения на: «Как начальник и хозяин университета и его учебного округа, попечитель употребляет все представленные ему сим Уставом средства к приведению в цветущее состояние вверенные ему заведения, строго наблюдая, чтобы места и лица исполняли неупустительно свои обязанности»¹³⁵.

---

¹³³ РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 154 «Проект устава университетов СПб, Московского, Харьковского и Казанского. Четыре экземпляра с различными поправками и изменениями». 1830–1834. 242 л.; РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 159 «Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов С. Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетов». 1834. 33 л.

¹³⁴ Кочубинский А.А. Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // Вестник Европы. 1894. № 5. С. 24.

¹³⁵ РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 159 «Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов С. Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетов». 1834. Л. 1–1об. В итоге в Положении

Одним из наиболее последовательных сторонников усиления власти попечителей был Мусин-Пушкин: «Попечитель как чиновник, которого нравственность, образ мыслей, познания достаточно известны высшему правительству, — убеждал он министерских чиновников, <...> обязан не только безпрестанно наблюдать за ходом и направлением учения, за нравственностью учащих и учащихся, за управлением Главных учебных начальств, как-то ректора, директоров и инспекторов училищ <...> нужно точно определить его власть, права и обязанности в отношении к местным лицам управления его вверенных»¹³⁶. В связи с этим он соглашался с проектом Уварова и признавал, что «в уставе Университета Св. Владимира, § 5, 7 и 9, обязанности и права попечителя изложены достаточно. Особенно право председательствовать в потребных случаях в Совете и Правлении, полезно»¹³⁷.

Параграфом 12 устава Университета Св. Владимира предполагалось введение должности Синдика — «избираемого из посторонних чиновников и утверждается <...> министром; он управляет канцеляриею Совета и присутствует в заседании оною». Попечители не остались равнодушными и предложили свою интерпретацию данной статьи: «Синдик имеет надзор за канцеляриею Совета и присутствует в заседании оною. Он обязан наблюдать, чтобы дела в Совете производились установленным порядком, и решения были согласны с законами».

Казанский попечитель считал неизбежным появление университетской бюрократии: «Поручение постороннему чиновнику главного надзора за канцеляриями университета, — писал он, — освобождение профессоров от должности секретаря Совета, дадут возможность устроить надлежащим образом Канцелярию, уменьшить переписку и ускорить ход дел; ибо ответственность по течению и порядку дел и Канцелярий будет лежать тогда на чиновниках, дру-

---

о попечителях учебных округов была воспроизведена формулировка устава университета Св. Владимира.

¹³⁶ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 2904 «По представлению г. исправляющего должность попечителя относительно прав и обязанностей попечителей». 1829–1830. Л. 1–1об.

¹³⁷ РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 159 «Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов С. Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетов». 1834. Л. 5–7.

гими должностями уже незанятых. Избрание синдика попечитель просит предоставить ему»¹³⁸.

С тем, что по причине увеличения числа кафедр и преподавателей, выделения новых учебных дисциплин, требования правительства проводить научные исследования и большой отчетности перед министерством, университетская корпорация не в состоянии справиться с управлением без участия в этом специальных чиновников, были согласны все: и профессора, и правительство. Это и было реализовано в уставе 1835 года и в «Положении об учебных округах»: «убедились Мы в необходимости освободить Университеты Наши от управления Гимназиями и училищами Учебных округов, столь несовместного с умножением деятельности высших учебных заведений, и учредить на сей конец новый порядок зависимости и отношений, ближайший к существенным пользам учебной части в Империи»¹³⁹. Преимущество такого порядка виделось «в единстве власти и ответственности, в простоте управления и возможности обзирать училища». Внедрив его в практику университетской жизни, попечитель обрел целый штат дополнительных чиновников, образовывавших его Совет¹⁴⁰. Занимавшийся ранее школьными делами Училищный комитет был за ненадобностью упразднен.

Почему российские университеты так легко соглашались расстаться с пусть и ограниченной, но всё же автономией? Почему никто из отечественных профессоров даже не ставил под сомнение право попечителя руководить университетом и округом? Вероятно, объяснение в том, что за первую четверть XIX века университетские люди не только утвердили свой общественный статус, но и разочаровались в ценностях университетской демократии и автономии. Желание по-

---

¹³⁸ РГИА, ф.737, оп. 1, д. 159 «Свод предложений попечителей учебных округов и советов университетов С. Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении к другим университетов». 1834. Л. 2, 2 об, 3.

¹³⁹ Общий устав Императорских Российских Университетов (26 июля 1835) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. № 363. Стлб. 742; Положение об Учебных Округах: Указ Правительствующему Сенату (25 июня 1835) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. СПб., 1864. № 3 58. Стлб. 731.

¹⁴⁰ В Совет попечителя входили сам попечитель, помощник попечителя, ректор, инспектор казенных училищ, директора казенного училища и гимназии, почетные попечители и директора гимназий учебного округа, инспекторы частных училищ и пансионов (п. 19).

лучить время и условия для исследовательской работы, для частной жизни, для учебных экспериментов, а также страх оказаться жертвами «тирании большинства» побуждало их смириться с бюрократическим наступлением на университет. Каждый отстаивал только личную свободу и пространство, не заботясь о корпоративных интересах. В этом смысле «ученого сословия» с сословным сознанием, коллективными интересами и согласованными действиями в России не сложилось. Отечественный университет не прошел через традицию отстаивания корпоративной чести перед лицом прочих сословных групп.

В то же время пришедшие в университетское сообщество извне, попечители по-разному ощущали себя в нем (иногда в качестве покровителей, иногда — контролеров, иногда — друзей, иногда — антропологов в племени). Но независимо от личных ощущений и идентичности, они как группа высокопоставленных чиновников обладали более четко выраженными групповыми интересами, нежели профессора. Поражает единство их действий и мнений, проявлявшееся в разных политических условиях и обстоятельствах. Их заинтересованность состояла в том, чтобы получить в полное распоряжение учебную и хозяйственную стороны университетской жизни. Такое огосударствление «русских университетов» отразилось и в новом их определении. Согласно уставу 1835 года университет — это государственное учреждение (а не «ученое сословие»), состоящее из «определенного числа факультетов», а также Совета и Правления (пп. 1, 2).

При всём том формально коллегиальное управление в университете сохранилось и даже расширилось. Состав профессорского совета был увеличен за счет экстраординарных профессоров. Одновременно, более жесткой стала процедура принятия решений на нем: совет считался полномочным только при наличии кворума (2/3 всего состава) (п. 24). В заседания вводился элемент субординации — «первые места после ректора занимают деканы; прочие присутствующие заседают по факультетам, наблюдая старшинство в Профессорском звании» (п. 25). Создавая иерархии внутри университета, государство боролось с негативными сторонами корпоративного поведения: хроническими отсутствиями на заседаниях, опозданиями и конфликтами.

Весьма четко Уваров определили компетенцию Совета и Правления. Их по-прежнему возглавлял ректор, избранный из числа орди-

нарных профессоров, сроком на 4 года (п. 61). На него возлагалась общая ответственность за выполнение преподавателями и студентами своих обязанностей (п. 62). В связи с этим он получил право применять меры дисциплинарного воздействия на тех, кто уклонялся от выполнения служебных поручений.

Совет избирал новых членов корпорации (ректора, почетных членов, профессорско-преподавательский состав); решал вопросы учебного процесса; а также связанные с научными проектами и возведением в ученые степени; распоряжался учебными и вспомогательными пособиями и заведениями при университете и, наконец, рассматривал предложения попечителя (п. 30). Практика была такова, что вначале эти вопросы рассматривались советами факультетов. Лишь после этого они передавались на рассмотрение совета университета для вынесения окончательного решения.

По мере укрупнения университетов, расширения преподавательского состава и числа обучающихся, увеличивался и состав его представительных органов управления. Некоторые попечители считали, что чем больше совет, тем легче им управлять¹⁴¹. А управляющий Харьковским учебным округом генерал-адъютант Кokoшкин напротив был раздражен многочасовыми великоречивыми, малорезультативными с его точки зрения заседаниями многочисленного совета. То, на что щедро расходовал своё время вечно занятый профессор (длиительные обсуждения, убеждения, многократные выступления, выслушивание чужого мнения, голосование и прочее), военным и чиновным людям казалось непроизводительным времяпрепровождением. В лучшем случае они завидовали «мирной и тихой жизни профессоров»¹⁴², в худшем — возмущались пустой тратой в университете казенных денег. «Странное дело, — выговаривали попечители

---

¹⁴¹ РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 1065 «Дело об утверждении проф. В.С. Комлишинского и директора университета и профессоров Т.Ф. Степанова, А.И. Блументалья, П.И. Артемовского-Гулака и М.М. Архангельского деканами факультетов». 1836. Л. 1.

Ожиданиям Головкина не суждено было сбыться. Это показали выборы деканов и ректора 1841 года. (РГИА, ф. 733, оп. 50, д. 117 «Дело об избрании П.П. Артемовского-Гулака ректором университета, А.В. Куницына — проректором, А.О. Валицкого, В.М. Черняева и Ф.И. Гана — деканами факультетов». 1841—1842. 40 л.

¹⁴² Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете 1823—1829 годы // Харківський університет ХІХ — початку ХХ ст. у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Харків, 2008. С. 89.

ректорам, — как у вас вяло исполняются самые решительные предписания»¹⁴³.

Человек простой и прямолинейный, Кокошкин предлагал: «1. постоянные заседания совета отменить. 2. все дела, составляющие ныне предмет занятий совета, кроме немногих, <...> предоставить Правлению Университета. 3, факультетские собрания оставить при настоящих правах и обязанностях, с тем, чтобы они по всем делам были в таком же отношении к Правлению, как ныне состоят к совету Университета»¹⁴⁴.

Правление не имело жесткого регламента и собиралось по мере надобности. После передачи хозяйственных и полицейских дел в ведение попечителя, круг забот у членов Правления значительно сократился. В его полномочиях остались только «благочиние» и «содержание зданий в чистоте и предохранение их от опасности огня». Ректор, казначей и эконо́м отвечали за расход хозяйственных сумм университета, но министерство жестко оговорило, куда и сколько можно было тратить самостоятельно. Любые расходы на сумму свыше 500 рублей требовали разрешения попечителя, а на сумму свыше 1000 рублей — министра (п. 41). Ректор должен был решать внутренние споры «миролюбно», а уголовные преступления и споры об имуществе — «по исследованию в Правлении» подлежали передаче в судебные места. Помощь ректору в контроле над нижними служащими университета оказывал экзекутор (п. 45). Таким образом, свобода финансовых решений и внутренний суд были сведены к минимуму.

Ключевой фигурой в университетском самоуправлении оставался ректор. Но теперь у него не было смешанной идентичности и зависимости от выбравших его коллег. Уставом был предусмотрен согласительный характер назначения ректора с министерством. Каждый раз кандидатура избранного ректора должна быть одобрена министром. Насколько важным считали попечители избрание подходящего им ректора свидетельствуют делопроизводственные документы. Так, в начале декабря 1841 года помощник харьковского

---

¹⁴³ ОРРК НБ КГУ, ед. хр. 4777 «Письма М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому». Письмо № 32 от 24 октября 1822 года. Л. 12.

¹⁴⁴ РГИА, ф. 733, оп. 50, л. 612 «Дело об отклонении ходатайства попечителя Харьковского учебного округа об отмене постоянных заседаний совета ун-та в целях усиления власти ректора». 1850–1857. Л. 7.

попечителя Н.А. Цертлев докладывал министру о «неудовлетворительном характере» выборов, которое выражалось в том, что «ни один не получил большинства избирательных против неизбирательных балов» даже при повторной баллотировке¹⁴⁵. Чиновник доводил до сведения начальства, что повторные выборы из кандидатов первого состава были прямым нарушением устава. В таком случае ректор должен был быть назначен министром.

В обязанности ректора входило исполнение предписаний попечителя и министерства. Тем самым, на него возлагалась личная ответственность за корпорацию. Дальше всё зависело от избранной личности. Кто-то с гордостью брался за это бремя и успешно справлялся с преподавательской, научной и административной деятельностью. Таких в истории российских университетов были единицы. Много было тех, кто тяготился этой должностью и решал для себя дилемму: наука или администрирование? Были и те, кто становился жертвой пограничья между коллегами и властью. Часть ректоров смягчали строгость полученных из министерства предписаний необязательностью их исполнения¹⁴⁶. Но были и формалисты, добивавшиеся авторитета среди коллег угрозами и реальными репрессиями. Бывшие студенты Московского университета вспоминали частые проверки занятий в 1830-е годы. По их результатам профессора могли отстранить от чтения лекций: в «двух-трех лекциях истории философии» И.И. Давыдова было усмотрено «свободомыслие»¹⁴⁷.

Общим итогом введения устава 1835 года стало перекодирование университетского самоуправления в коллегиальное управление университетом специально назначенными для того правительством чиновниками от просвещения — профессорами, деканами, ректором. Назвать эту систему саморегулирующимся организмом, корпоративной автономией не мог уже никто даже риторически.

---

¹⁴⁵ РГИА, ф. 733, оп. 50, д. 117 «Дело об избрании П.П. Артемовского-Гулака ректором университета, А.В. Куницына — проректором, А.О. Валицкого, В.М. Черняева и Ф.И. Гана — деканами факультетов». 1841—1842. Л. 14 об.

¹⁴⁶ Чичерин Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 374.

¹⁴⁷ Тончаров И.А. Воспоминания. В университете. Как нас учили пятьдесят лет назад // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 147.

Бюрократизация университетов в 1840–1850-е годы

В 1840–1850-е годы развитие «русских университетов» пошло по пути их интенсивной бюрократизации. Этот процесс имел две стороны: 1. расширение сугубо бюрократических процедур во всех сферах университетской жизни и 2. отчуждение бюрократического аппарата от потребностей академического сообщества. Нарастание слоя бюрократии было связано с интенсивным разрастанием университетов, усложнением их учебной и исследовательской структуры, с процессом специализации и появлением новых научных дисциплин, с одной стороны; и с революционной фобией, охватившей правительственные круги после 1848 года, с другой. Николай I уповал на зависимых от верховной власти чиновников как на панацею от революционной чумы. Его веру поддерживали С. С. Уваров, а затем и его преемник П. А. Ширинский-Шихматов (1850–1853).

Данные тенденции прослеживаются по документам всех трех университетов. Казанский университет после тяжелого пренатального периода и экспериментов Магницкого в попечительство Мусина-Пушкина испытал расцвет. Это констатировалось во время монарших посещений¹⁴⁸. Изменения к лучшему отмечали посещавшие университет гости и путешественники (в частности, брат немецкого реформатора Александр фон Гумбольдт¹⁴⁹). Отставной полковник Мусин-Пушкин педантично исполнял предписания министерства по упорядочиванию университетской жизни, по размещению правительственных заказов на исследования, ревностно следил за благонамеренным духом студентов и преподавателей, освобождая тех и других от корпоративной ответственности, контролировал учебные заведения округа, расход бюджетных средств, редактировал инструк-

---

¹⁴⁸ НАРТ, ф. 977, оп. «Совет», д. 2093 «Документы о посещении Казанского университета и Первой Казанской гимназии императором Николаем I». 1836. Л. 4–8 об.

¹⁴⁹ Переписка А. Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 69. Мнению Гумбольдта вторил и другой путешественник лектор английского языка Э. Турнерелли: «друзья и враги (если бы таковые имелись) в равной степени согласились бы с тем, что именно его превосходительству <М.Н. Мусину-Пушкину> Казанский университет обязан теми радикальными изменениями, которые привели его из положения беспорядка и посредственности в сегодняшнее блестящее положение» (Турнерелли Э.П. *Kazan et ses habitants = Казань и ее жители; Kazan the ancient capital of the tartar khans = Казань — древняя столица ханов*. Этот занятный несносный британец (полемика). Виды Казани, рисованные с натуры (альбом репродукций). Вишленкова Е.А. *Казанское житье*. [Казань, 2005]. С. 263).

ции для экспедиционных исследований. Для этого ему понадобился целый штат чиновников в канцелярию и совет попечителя. Благодаря им, в университете воцарился армейский порядок, дисциплина и унификация.

Харьковский университет был поручен управлению генерал-губернатора. В 1846 году император передал это генерал-адъютанту князю Н.А. Долгорукову¹⁵⁰. Инициатива такого назначения принадлежала Уварову¹⁵¹. Можно было бы предположить, что данное решение связано с личностью Долгорукова, но министр не отказался от него даже после известий о смерти своего протеже. После недолгого руководства Н.А. Цертлева (1847—1848)¹⁵² попечителем стал С.А. Кокошкин (с 1848 по 1855)¹⁵³ — преемник князя Долгорукова на генерал-

---

¹⁵⁰ О принятии Черниговским, Полтавским, Харьковским генерал-губернатору в свое главное наблюдение Харьковский университет (9 февраля 1846) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840—1855. СПб., 1876. № 334. Стлб. 761.

¹⁵¹ РГИА, ф. 733, оп. 50, д. 387 «Дело о поручении исполнения обязанностей попечителя Харьковского учебного округа Черниговскому, Полтавскому и Харьковскому генерал-губернатору кн. Н.А. Долгорукову, о смерти его и о вступлении в должность попечителя округа помощника попечителя кн. Н.А. Цертлева». 1846—1847. Л.1, 2.

¹⁵² Цертлев продолжал исполнять при Кокошкине роль помощника, не менее деятельно, чем прежде. По мнению Де-Пуле именно он и был «настоящим попечителем» Харьковского университета (Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет XIX — початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 тт. Т. 1/Укл.: Б.П. Зайцев, В.І. Івашенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов; Вступ. стаття В.І. Івашенко; Наук. ред: С.І. Посохов. — Харків: Видавництво Сага, 2008. С. 305).

¹⁵³ Кокошкин Сергей Александрович (1796—1861) — государственную службу начал в коллегии иностранных дел, затем перешел на военную службу в Преображенский полк. Участник Отечественной войны 1812 г., отличился в Бородинской битве, участник zahraniчных походов. С 1820 года — флигель-адъютант. В 1825 году сопровождал тело покойного императора Александра I из Таганрога в Петербург. В 1828 году — помощник начальника штаба военных поселений, с 1830 года — осуществлял поручение по борьбе с холерой в приволжских губерниях и землях донского казачества. Успешное выполнение этого задания позволило ему войти в императорскую свиту, стать исполняющим должность обер-полицмейстера С.-Петербурга. За время его попечительства было отремонтировано здание университета, основано ветеринарное училище. В тоже время он зарекомендовал себя как ярый противник университетской автономии. В должности генерал-губернатора сделал немало для благоустройства города: осушил болота, укрепил берега реки Лопань, построил мост через реку, проложил дороги. Кокошкин был последним

губернаторской должности. При нем сильно изменился характер отношений университетской корпорации Харькова с представителями государственной власти. Из них исчезли нотки станичного приятельства, характерные для Корнеевых. Современники признавались, что генерал-губернатор ввел в университете «николаевские порядок и дисциплину»¹⁵⁴. Как Мусин-Пушкин в Казани, так и Кокошкин в Харькове заботились о ремонте и чистоте учебных зданий и общежитий. Больше чем успехи на занятиях, попечителей волновал внешний вид студентов — стрижка, наличие или отсутствие усов, очков, опрятности форменного мундира.

Успехи министерства по «милитаризации» и «бюрократизации» университетов одобрялись императором. Более того, после 1848 года Николай I счел, что избрание ректора — лишнее и обременительное дело. «Соединение в одном лице непосредственного начальства над университетом и преподавания по званию профессора не соответствует вообще пользе сих высших учебных заведений» — заявил он¹⁵⁵. Отныне ректор назначался министром и утверждался на неопределенный срок императором. Его деятельность считалась «учебной

генерал-губернатором не только означенных губерний, но и в России. После ликвидации генерал-губернаторств в январе 1856 года был переведен в Петербург и назначен сенатором. Трагично погиб при осмотре строящегося здания в Петербурге (Зайцев Б.П., Посохов С.И. Попечители Харьковского учебного округа. Харьков, 2000. С. 53–54; Кокошкин Сергей Александрович, Харьковский генерал-губернатор / Из записок Р.О. Рейгардта // Харьковский сборник: Лит.-науч. прилож. К «Харьк. календарю». Харьков, 1887. Вып.1. С. 155–160; Почесні члени Харківського університету. Біографічний довідник. Харків: Тимченко, 2008. С. 126).

¹⁵⁴ Николай I дважды посещал Харьков в 1850-м и в 1851 году. В первый раз указал на недостатки во внешнем виде харьковских студентов, после чего дано указание о командировании Цертлева в Полтавский кадетский корпус с целью ознакомления требований к внешнему виду учащихся. Во время второго посещения он не был в университете, заявив Кокошкину: «Я знаю, теперь ты их остриг и обрил, как следует...» (РГИА, ф. 733, оп. 50, д. 609 «Дело о посещении Николаем I университета и других учебных заведений города Харькова». 1850–1851. Л.2–2об, 3об–4; Вейнберг П.И. Харьковский университет в пятидесятых одах (Из моих воспоминаний) // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т.1. С. 375–381; Лейбин П. Памяти Д.И. Каченовского // Там же. С. 413–414).

¹⁵⁵ Об изменении порядка назначения Ректоров и Деканов в университеты: С.-Петербургский, Московский, Св. Владимира, Харьковский и Казанский: Указ Правительствующему Сенату (11 октября 1849). // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855 / 2-е изд. СПб., 1876. № 494. Стлб. 1104–1105.

службой», за ним сохранялось звание профессора, но это не предполагало преподавания и занятия наукой. Тогда же появилось распоряжение, согласно которому деканы могли быть в любой момент сняты со своей должности министром. При таком положении вещей избранные на эту должность профессора понимали тщетность своих административных усилий и, как правило, были пассивными. А назначенный ректором преподаватель довольно быстро утрачивал связь с учебным процессом, выбивался из научной среды и превращался в функционера с профессорской степенью и докторским дипломом.

Примером тому — судьба профессора Казанского, а затем Харьковского университета К.К. Фойгта, который снискал себе славу сначала в качестве умелого составителя отчетов¹⁵⁶, а затем как успешный и дипломатичный ректор в Харьковском университете (1853). Далее его карьера развивалась в качестве помощника попечителя, а с 1863 году он стал попечителем учебного округа. Закончил Фойгт службу в должности председательствующего Ученого комитета министерства народного просвещения¹⁵⁷. Занятия чиновной работой заставили его отказаться сначала от научной, а спустя какое-то время и от учебной деятельности. И хотя он еще несколько лет читал лекции, но по свидетельству студентов, «написанные им со времени принятия им <...> кафедры, не смотря на свою полноту, [они] были слишком сухи. У него было слишком много других должностей, так что он не имел времени их улучшать»¹⁵⁸.

Озвученные при обсуждении устава 1835 года пожелания профессоров избавиться от административных забот были исполнены верховной властью в полной мере. Однако это не принесло университетским людям желаемой свободы преподавания и исследования.

---

¹⁵⁶ Отчет Казанского учебного округа с 1827 по 1 января 1844 года по управлению тайного советника М.Н. Мусина-Пушкина / сост. К. Фойгт, Н. Антропов. Казань, 1844; Обзор хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. Казань, 1852; Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях, от основания университета до 1859 года. Харьков, 1859.

¹⁵⁷ Булич Н.Н. Карл Карлович Фойгт (некролог) // Камско-Волжская Газета. 1873. № 132.

¹⁵⁸ [Михайлов И.И.] Университет в 1840-х годах. Из воспоминаний И.И. Михайлова // Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. — Казань: Тип-фия Имп. Каз. ун-та, 1905. С. 57.

Напротив, никогда профессора в России не были так несвободны в этом, как после освобождения от корпоративного самоуправления.

Бюрократизация университетской жизни лишила и преподавателей, и студентов былой мотивации осваивать науки и извлекать новые истины, привела к снижению профессиональных стандартов. В российских университетах появились и были терпимы профессора, подобные харьковскому П.П. Артемовскому-Гулаку, лекции которого «возбуждали смех и служили пищею для остроумных пародий. <...> Вреда они не приносили и вредно не влияли, потому что тогдашняя молодежь, имевшая уже лучших, благороднейших руководителей, переросла кругозор Артемовского <...>; в ту пору, сверх того, уже начали появляться труды молодых ученых — Соловьева и Кавелина, которых он игнорировал. Артемовский-Гулак был вреден не своими невинными лекциями, а как представитель чиновной, казенной учености <...> он не был ученым и на профессию смотрел как на карьеру к отличиям и почестям. На лекции он являлся весь увешанный орденами и перстнями, полученными им за службу в Харьковском и Полтавском институтах, которых он считался каким-то членом»¹⁵⁹.

Европейские революции 1848 года убедили верховную власть России в том, что знание имеет политическую окраску. Есть знание полезное для государства и его стабильности, и есть знание вредное, разрушительное. Карикатурным отражением такой установки является ставшее широко известным послание генерал-губернатора С.А. Кокошкина в Харьковский университет. «Следить за тем, — приказал он ректору, — чтобы в умах студентов не оставалось впечатления от лекций профессора Мицкевича» (брата знаменитого поэта, читавшего в Харькове римское право)¹⁶⁰. В эти годы стало обычным, что чиновники разного ранга сидят в университетской аудитории среди студентов и делают заметки по ходу занятия. Сам министр Уваров ходил на лекции в Московский университет и приглашал к себе домой профессоров для чтения отдельных лекций¹⁶¹.

¹⁵⁹ Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1. С. 280–281.

¹⁶⁰ Вейнберг П.И. Харьковский университет в пятидесятых одах. (Из моих воспоминаний) // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1. С. 376.

¹⁶¹ Чичерин Б.Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 372.

23 января 1851 года в университеты пришла новая Инструкция¹⁶². Верховная власть потребовала от ректоров постоянного контроля «за духом и направлением преподавания». Ректору обязаны были помогать выборные деканы, которых принудили вести обсуждение учебных планов в отделениях, прочитывать конспекты лекций своих коллег и проверять их соответствие утвержденной в министерстве учебной программе. В случае обнаружения малейших несоответствий конспекта и программы, декан должен был доложить ректору, ректору совету университета, попечителю учебного округа и министру.

Согласования со всеми этими органами и лицами требовалось и в случае внесения каких-либо улучшений в учебную программу. Понятно, что это отбивало у преподавателей всякую охоту менять и совершенствовать лекции, приносить в занятия какие-либо инновационные элементы. Яркой иллюстрацией последствий этого являются студенческие воспоминания о том, что в 1850-е годы в Московском университете «диктовал» свои лекции по законоведению студентам «не юристам» профессор кафедры политической экономии и дипломатии Н.С. Васильев — «по тетрадке», «сказывая, где нужно какие ставить знаки препинания»¹⁶³.

Очевидно, решение наделить ректора и деканов полицейско-репрессивными функциями связано с непониманием попечителями и их помощниками содержания лекций и прочих университетских текстов. В научном отношении устав 1835 года расширил возможности университетов, позволил им открывать новые отделения, вводить новые научные дисциплины. А зарубежные стажировки и правительственные заказы на исследования способствовали большей интеграции России в мировую науку. Соответственно, транслируемое в университете знание перестало быть популярным, становилось всё более специализированным, требующим для понимания особых навыков и подготовки. Пришедшие в университет с военной или чиновной службы люди признавали свою неспособность отделить в прочитан-

---

¹⁶² Инструкция Ректорам Университетов и Деканам факультетов (23 января 1851) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855. 2-е изд. СПб., 1876. № 578. Стлб. 1242–1248.

¹⁶³ Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 278.

ном «полезное» от «вредного» и «опасного». Возможно, в частных беседах министра с профессорами Московского университета ему была подсказана мысль о том, что качественно оценить содержание знания могут только сами ученые.

Во всяком случае, в условиях политической опасности и нестабильности правительство сочло систему внутреннего контроля и круговой поруки наиболее релевантной формой управления университетами. Для политической власти в ней было два очевидных преимущества. Во-первых, «свой скорее распознает своего». А во-вторых, обязательство доносительства должно было расколоть корпорацию на отдельных членов, где каждый подозревает и боится каждого. С позиции политической паранойи, государству были опасны любые групповые интересы и любые формы корпоративной или идейной общности. Оно предпочитало иметь дело с отдельными, разрозненными подданными.

Следуя этой логике, бюрократы не видели ничего предосудительного в системе официального соглядатайства. Согласно официальному заявлению, данная мера должна была прекратить «хаос», который царил в преподавании курсов и дисциплин, способствовать созданию упорядоченной системы знаний (отбора необходимых фактов, формул, цифр) и содействовать «к предупреждению зла, а если оно возникнет, к прекращению его в самом начале» (п. 18 Инструкции).

Получившая власть и доминирование в университете бюрократия добивалась управления посредством письменных технологий властвования. Конспект, программа лекций, учебные планы перестали быть вспомогательным средством для преподавателя. Они превратились в главное мерило его соответствия должности. Не только молодые адъюнкты, но и маститые профессора боялись проверок своих учебных записей. О.М. Бодянский в письме к С.П. Шевыреву писал: «Мне бы хотелось услышать от Вас, если только Вы будете так добры, кто Вам поручил сказать мне доставить свое Исповедание Славянской веры? Министр, Попечитель, Ректор? Нет, почтеннейший и добрейший Степан Петрович, после этого Вам и прочим сотоварищам моим расти, а мне малиться»¹⁶⁴.

---

¹⁶⁴ ОР РНБ, ф. 850 (С.П. Шевырев), ед.хр.144 «Бодянский Осип Максимович, профессор Московского университета. Письма С.П. Шевыреву». 1844–1848. Л. 33 (письмо № 22).

Судя по воспоминаниям, в связи с тотальным контролем над письменным словом и вопреки министерским предписаниям в университетских аудиториях стало развиваться устное изложение, утверждаться практика чтения лекции как вольного рассказа. Обычно в таких случаях конспект, приготовленный профессором на случай проверки, лежал на самом видном месте: на кафедре или подоконнике. А лектор излагал студентам либо свой исследовательский опыт, либо знакомил их с исследовательской литературой.

На контрасте с существующим обычаем зачитывать на лекции конспекты многолетней давности, такая практика вызвала бурную эмоциональную реакцию у студентов. Ни изъяны речи лектора, ни строгие циркулярные предписания министерства¹⁶⁵ не останавливали аплодисментов. Студенческие воспоминания оставили нам много тому свидетельств. Вот одно из них. По окончании лекции А.П. Шапова «онемевшая толпа расступилась перед ним с инстинктивным почтением. Несколько секунд в зале длилась мертвая тишина, но вдруг, как гремучий удар летней грозы, разразился страшный гром рукоплесканий. Это продолжалось с минуту, толпа не двигалась с места, продолжая рукоплескать. Профессора и попечитель делали тоже. Потом начались какие-то восторженные крики, наконец ко всему этому присоединился оглушительный треск мебели, ломавшейся под напором толпы, устремившейся наконец вслед за профессором. Некоторые неистово стучали в пол стульями и ногами. Все куда-то спешили, бежали, сами не зная, куда, и думаю, не прошло полчаса, как весь город знал о необычайном событии, совершившемся в университете»¹⁶⁶.

Любые несанкционированные действия в университете чиновники считали опасными для собственной власти и объявляли их угрозой государству и спокойствию империи. В 1858 году студентам было запрещено проявлять любые знаки одобрения или порицания лекций профессоров, под страхом исключения всех, вне зависимости от

---

¹⁶⁵ О воспрещении студентам университетов изъяслять знаки одобрения или порицания профессорских лекций (17 декабря 1858) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. Царствование императора Николая I. 1840–1855. 2-е изд. СПб., 1876. № 176. Стлб. 365–366.

¹⁶⁶ Л.О. [Лаврский К.] Университет в 1860-х и в 1870-х годах. Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов // Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. С. 235–236.

того «какое бы ни было число виновных»¹⁶⁷. Сведения об аплодисментах в аудиториях порождали подозрения и желание наказать успешных лекторов. Этим порождены такого рода тексты, как например, запрос от 28 мая 1849 года на имя попечителя Д.П. Голохвастова от московского генерал-губернатора А.А. Закревского «Об образе жизни и мыслей профессоров Грановского, Кудрявцева и Соловьева, а также о духе и направлении их лекций»¹⁶⁸.

Конечно, административный контроль за преподаванием имел и позитивные стороны. Иногда он позволял выявлять и отсеивать наиболее одиозных и невменяемых профессоров. Так, когда студенческие конспекты лекций профессора ботаники В.М. Черняева были прочитаны деканом, а потом ректором и чиновниками министерства, то, по словам учащихся, они «сначала не верили возможности подобных чтений». «Черняев сразу очутился в опале у высшего начальства; — вспоминал Н. Леваковский, — потребовали от него представлений программы, <...> навели, заодно, справку о его ученой степени; оказалось, что таковой он не имеет (он имел только звание лекаря). Попробовал он написать программу, но, как человек, не привыкший к писанию, остановился на первой же строке. Тоже последовало и с требуемым отчетом. А тут, кстати, подоспел срок какого-то пятилетия, и Черняев был уволен от службы за выслугой лет»¹⁶⁹.

Поскольку в отличие от профессоров, российские студенты обладали корпоративным мышлением, то обретенный опыт быстро становился достоянием всех университетов. На рубеже 1850–1860-х годов, в условиях политического кризиса власти и смены правительства, студенты широко пользовались возможностью отбора профессоров для себя. В январе 1858 года 70 казанских студентов обратились к руководству университета с жалобами на чтение лекций профессора В.Ф. Берви. После административной проверки старый про-

---

¹⁶⁷ Циркулярное предложение Попечителям Учебных Округов, где находятся Университеты «О воспреещении студентам Университетов изъявлять знаки одобрения или порицания профессорских лекций» (17 декабря 1858) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1876. № 176. Стлб. 365–366.

¹⁶⁸ Письмо графа А.А. Закревского к попечителю Московского университета Д.П. Голохвастову и ответ Голохвастова // Русский архив. 1887. № 8. С. 522–523.

¹⁶⁹ См.: Леваковский Н. Университет пятидесятих годов // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1. С. 425.

фессор подал в отставку «по домашним обстоятельствам», а управляющий округом и ректор «не нашли никаких препятствий» для удовлетворения его просьбы¹⁷⁰.

Студенты критиковали своих наставников за незнание, за плохое владение русским языком¹⁷¹ или лекторским искусством¹⁷², за леность и опоздания, за непоследовательность изложения¹⁷³, за театральность и наигранность¹⁷⁴, за переизбыток чувств¹⁷⁵ и много еще за что. Так, студент Н. Леваковский даже спустя годы вспоминал, что «профессор минералогии и геогнозии Н.Д. Борисьяк упростил лежавшие на нем, как на лекторе обязанности до последней степени: он прямо не являлся в университет, а если когда и приходил (вероятно, от скуки), то лекции все-таки не читал под каким-нибудь предлогом (в роде того, что «погода располагает более ко сну, нежели к минералогическим занятиям»)¹⁷⁶. Другим примером критики служат записи

---

¹⁷⁰ НАРТ, ф. Ф. 92, оп. 1, д. 7459 «Об увольнении заслуженного профессора Казанского университета Берви от службы». 1858. Л. 4–4об.

¹⁷¹ «Мы любили посещать лекции Морошкина, — с иронией вспоминали студенты Московского университета, — потому что нам было весело слушать его неожиданные выходки. Прежде он читал «историю русского законовещения», и, говорят, коньком его было казачество, о котором всегда говорил с особенным одушевлением и от которого производил русское дворянство, «лыцарство», к этому предмету любил он возвращаться кстати и некстати» (Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 272).

¹⁷² Н. Леваковский. Университет в пятидесятих годах // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1. С. 426.

¹⁷³ Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 254.

¹⁷⁴ О приемах, к которым прибегал на своих лекциях профессор русской истории С.П. Шевырев, студенты писали: «Иногда он прибегал к чувствительности: вдруг среди умиленной лекции появлялись на глазах слезы, голос прерывался, и следовала фраза: «Но я, господа, так переполнен чувствами... слово немеет в моих устах» (Афанасьев А.Н. Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 259–260).

¹⁷⁵ «Как человек огневого темперамента, впечатлительный и пылкий, Эйнбродт часто терял на лекциях самообладание, почему не мог проводить изложения последовательно и связно», — вспоминал И.В. Любарский (Любарский И.В. Воспоминания о Харьковском университете 1850–1855 годов // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1. С. 396).

¹⁷⁶ Леваковский Н. Университет в пятидесятих годах // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1. С. 427.

И.М. Любарского. «Оттянув полчаса,— рассказывал он о профессоре О. Калениченко,— он приходил на кафедру, вынимал из кармана вместе с платком книжку без переплета и, придерживая ее ниже кафедры, чтобы не было видно, монотонно прочитывал с отмеченного листа несколько страниц. Отбыв эту скучную барщину, Калениченко спешил к больным на практику, которой, по-видимому, отдавал все свои заботы и свое время»¹⁷⁷. Профессору Харьковского университета В.А. Якимову досталось от студентов за стремление поговорить с ними на отвлеченные бытовые темы¹⁷⁸.

В историографии студенческие нападки на профессию получили определение «обструкции». Исследователи отмечают, что на рубеже 1850—1860-х годов они стали университетской повседневностью. В Казанском университете они имели вид борьбы со старостью и отсталостью, в Харькове — с некомпетентностью. Но даже если и так. У этого явления есть и другая сторона. Очевидно, критическая оценка учащимися своих наставников, вылившаяся в ряде случаев в откровенную агрессию, была следствием, с одной стороны, очевидного даже для студентов снижения уровня преподавания; а с другой, процесса объективации профессоров в университетском самоуправлении. Сначала добровольно отказавшаяся, а потом и отстраненная от рычагов управления университетом, университетская корпорация распалась на отдельных профессоров, утративших в силу такой атомизации весомую долю власти-влияния на своих воспитанников. В результате субъектами университетской жизни в эти годы стали отчужденные от академической жизни чиновники и дети университета — студенты. Профессора же оказались зажатыми между молотом и наковальней.

Однако неповиновение студентов отразилось не только на участи профессоров. Это был системный дефект модели «русского универ-

---

¹⁷⁷ Любарский И.В. Воспоминания о Харьковском университете 1850—1855 годов // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т.1. С. 397.

¹⁷⁸ П.П. Сокальский вспоминал: «Озабоченный хозяйством, Якимов на своих лекциях постоянно прерывал изложение вопросами: «Господа, где вы берете такую ваксу, что так блестят ваши сапоги?». Читая однажды о Карамзине, он спрашивает вдруг: «Г. Туфов! А где ваш папенька сохраняет картофель во время половодья?» (Сокальский П.П. Из воспоминаний о Харьковском университете [18]40-х годов // Харківський університет ХІХ — початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т.1. С. 357).

ситета». Он делал неисправным весь механизм производства в них. Назначенные императором и министром попечители, ректора, деканы, инспекторы и субинспекторы, а также многочисленные чиновники канцелярий и попечительского совета не справились с главной задачей — не смогли обеспечить спокойствия и уважения младших к их начальству. Студенты всё более открыто демонстрировали неповиновение всем представителям власти в университете: требовали увольнения инспектора Ланге в Казанском университете¹⁷⁹; выступали против назначения Г.А. Катази попечителем в Харьковский университет¹⁸⁰.

Массовые исключения студентов из университетов, наказания, аресты и рекрутчина не меняли ситуации, а только усугубляли её. Тогда министерские бюрократы бросились бороться со студенческой корпоративностью: из университетских зданий были выселены казеннокоштные студенты и распределены по частным квартирам¹⁸¹; а в 1860 году была отменен студенческий мундир — один из признаков студенческой идентичности¹⁸².

Но настоящее падение власти университетской бюрократии произошло тогда, когда студенческие «бунты» поддержали профессора. Наверное, первым таким актом корпоративного единения против всевластия бюрократии стала Куртинская панихида в Казани «по невинно убиенным крестьянам» — жертвам Бездненского волнения апреля 1861 года. Тогда студенческий протест поддержал и возглавил

---

¹⁷⁹ См.: Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф. Братья по духу: Питомцы Казанского ун-та в освободительном движении 1840–1870-х годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989.

¹⁸⁰ Гессен С. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., 1932. С. 35–40, 111; Посохов И. студенческие ресурсы в университетах Российской империи (XIX — нач. XX в.). URL: http://www-history.univer.kharkov.ua/book/Posokhov_1.pdf (дата обращения: 08.10.2010).

¹⁸¹ О перемещении на вольные квартиры казеннокоштных студентов и пансионеров Университетов: Московского, Харьковского, Казанского и Св. Владимира и об упразднении должности Эконома в сих Университетах (30 мая 1958) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1876. № 149. Стлб. 318–319.

¹⁸² О мерах относительно надзора за студентами Университетов и дозволении им не носить форменной одежды вне университетских зданий (14 января 1860) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1876. № 242. Стлб. 499–501.

преподаватель местной духовной академии и университета А.П. Шапов, что стало известно во всех университетах России¹⁸³.

В этих условиях некогда престижная должность министра народного просвещения стала обременительной и опасной. В период «Великих реформ» министры не долго задерживались в этом кресле. Циркуляр Е.В. Путятина о запрете студенческих собраний породил очередную волну беспорядков, закрытие Петербургского университета и отставку автора. Возглавивший в 1862 году это беспокойное ведомство, А.В. Головнин констатировал глубочайший кризис, охвативший российскую университетскую систему. После этого в министерстве началось гласное обсуждение нового университетского устава с участием не только отечественных, но и зарубежных профессоров.

Итак, анализ архивных фондов и опубликованных законодательных актов выявил следующие тенденции в адаптации университетской автономии в России первой половины XIX века:

В правление Александра I верховная власть реализовала намерение сделать империю страной университетов. Придуманная правительством синкретичная модель воспроизводила элементы прусского протестантского и австрийского католического университетов, а также имела элементы французской системы управления школами. На этом этапе автономия университетского самоуправления существовала как имитация европейской корпоративности. Реальных оснований и потребности в ней у нанятых на службу преподавателей, похоже, не было.

Трудности приживания университетов в условиях российской провинции, а затем и кризис прусских университетов конца 1810-х годов заставили правительство задуматься над органичностью созданной системы образования. Критический настрой ответственных за неё сановников способствовал проведению в 1819–1826 годы эксперимента по имплантации в светские университеты принципов конфессионального обучения. Сильнее всего эксперимент затронул Казанский и Петербургский университеты.

Классическая модель университета, предложенная Вильгельмом фон Гумбольдтом, оказала сильное влияние на Россию. Правительственным чиновникам нравилась идея государственного регулирования университетской жизни, а также возможность использования

---

¹⁸³ Вульфсон Г.Н. Глашатай свободы. С. 93–129.

интеллектуального потенциала университета для получения нового знания, полезного для Российской империи. То и другое стало вводиться в университетскую политику правительства уже в конце царствования Александра I и насаждаться в правление Николая I.

При всём том, оптимизируя управление университетами, реформаторы николаевской эпохи опирались не только на абстрактный западный опыт, но и на накопленный свой. Имевший многолетний опыт управления Академией наук, Петербургским университетом и работы в Главном правлении училищ, С.С. Уваров предложил верховной власти отказаться от прямого копирования немецкой классической модели, а создать на ее основе более адаптированную к российским реалиям модель «русского университета».

Реализованная в положениях устава университета Св. Владимира, а потом и общероссийского устава 1835 года данная модель отрицала сословный характер университета и определила его в качестве государственного учреждения. Соответственно, корпоративные органы самоуправления получили новое значение — коллегиальных органов управления (по образцу имперских коллегий). Министерство снабдило его и самобытной просвещенческой идеологией — теорией «официальной народности».

Разнородные функции императорских университетов (воспроизводство элит, просвещение культурной среды, производство нового знания, участие в создании государственных идеологий и пр.) вели к постоянному усложнению их структуры и, как следствие, к необходимости профессионально занятых его управлением чиновников.

Университетские корпорации России исследуемого времени не породили своей собственной бюрократии, знающей и понимающей специфику академической жизни. А министерство заполнило эту лакуну иными кадрами (отставными военными и чиновниками присутственных мест), которые воспринимали профессоров как подконтрольных им подчиненных. Желание усиливать контроль над трансляцией и производством знания, а также не допустить университетской корпоративности побуждало власть увеличивать их присутствие в университете.

В 1840–1850-е годы значение отчужденной от академической жизни бюрократии и как следствие — объем бюрократических процедур в управлении университетом, а также пространство государственного контроля — расширились настолько, что она подчинила своим

специфическим задачам интеллектуальное производство в университете. В обстановке бурного тиражирования инструкций, правил, реляций и предписаний преподаватели перестали идентифицировать себя с западными интеллектуалами. Сам процесс обучения и исследования был настолько формализован и подчинен нормам и правилам, что не оставлял места и времени для творчества.

Первый серьезный кризис модель «русского университета» испытала на рубеже 1850–1860-х годов. Он проявился в противостоянии и критической оценке профессоров их воспитанниками, с одной стороны, и в постоянном негативном давлении и контроле профессуры со стороны университетских чиновников, с другой стороны. По всей видимости, ни то, ни другое не способствовало расцвету университетской науки и обучения. Проведя обследование российских университетов, новая команда просвещенных бюрократов констатировала поразивший их кризис и стагнацию. Признание этого факта побудило правительство осудить команду своих предшественников и вновь искать эффективную форму для университетского управления.

Проблема автономии служит своеобразным индикатором состояния не только административной, но и политической культуры университетских корпораций. В исследуемый период отечественные профессора прошли через два типа отношений с политической властью: через «зависимую культуру», подразумевающую большой интерес к действиям правительства и покорность его решениям; и через «приходскую культуру», характерным признаком которой является индифферентность к решениям власти и составу властных структур. Культура участия (взаимодействия) проявлялась только фрагментарно на уровне отдельных казусов.

Vishlenkova E. Professors and bureaucrats: paradoxes of a university autonomy in Russia in the first half of the XIX-th century: Working Paper WP6/2011/01 / [Text] / E. Vishlenkova, R. Galiullina ; The University — Higher School of Economics. — Moscow : Publishing House of the University — Higher School of Economics, 2011. — 72 p. (in Russian)

In the given article the history of a university autonomy in the Russian empire is reconstructed. The research is based on published ego-documents and office work documentation of the first half of the XIX-th century taken from the fund of the Ministry of Public Education (the Russian State Historical Archive), the fund of the Kazan University (the National Archive of Republic Tatarstan and the Department of Manuscripts and Rare Books of Scientific Library of the Kazan university), the fund of the Moscow University (the Central State Historical Archive of the City of Moscow). The collected complex of historical sources has allowed to reveal three forms of adaptation of the western university idea replacing each other: 1. the external reproduction of norms of corporate self-forming (1800–1810th years); 2. the dictatorship of the governmental trustees who were achieving the goal of connection of principles of religious education to a scientific training (the middle of 1810–1820th years); 3. the design of the “original” university model as a state organization with an officialdom management (1830–1850th years).

Препринт WP6/2011/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Вишленкова Елена Анатольевна, Галиуллина Руфия Хазибовна

Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX века

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Н.Е. Пузанова*

Отпечатано в типографии ГУ ВШЭ с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 4,6.
Усл. печ. 4,2. Заказ № . Изд. № 1315.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
